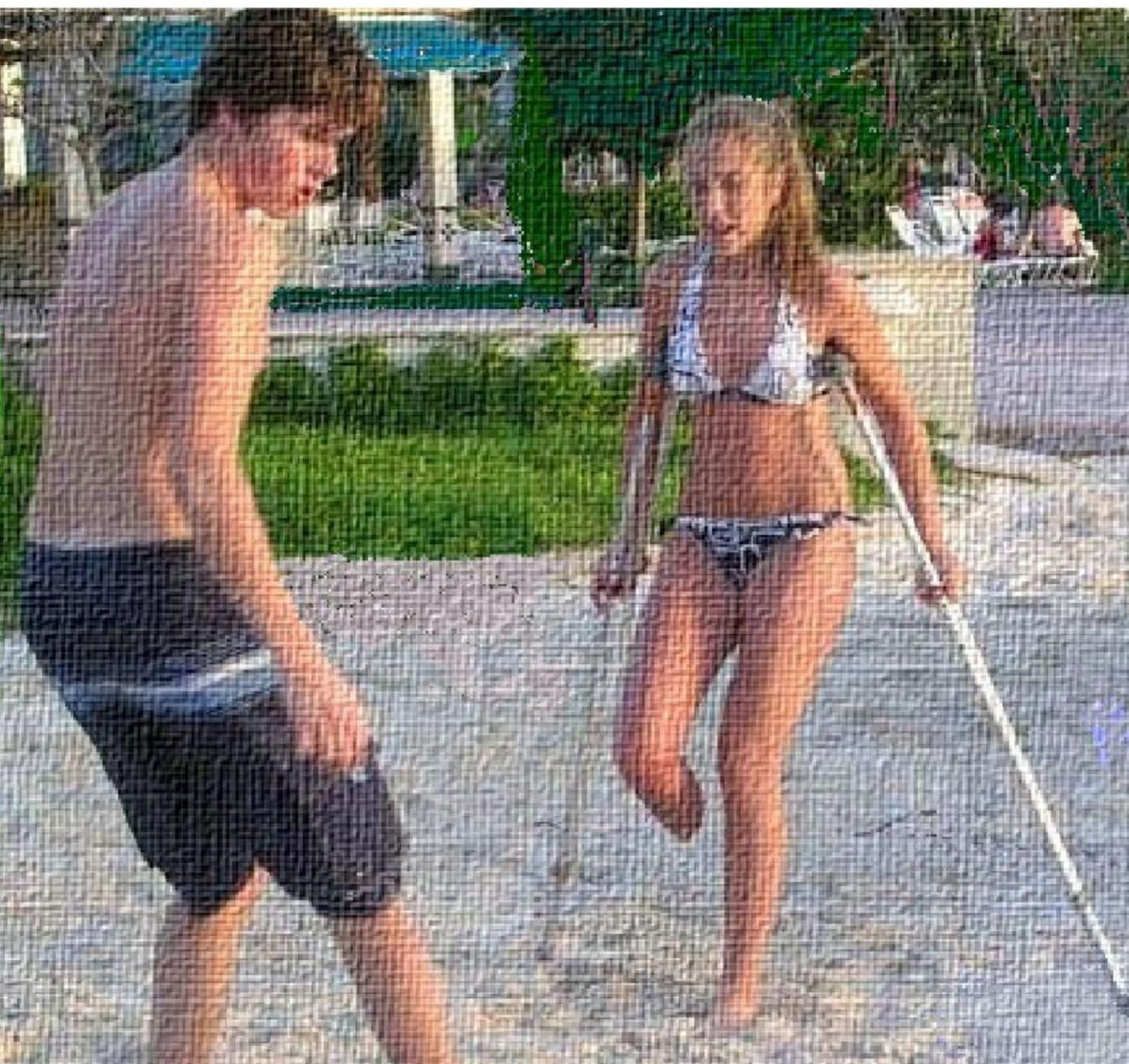

Влад Бобровский
Отличники от других...

Первая четверть

Влад Бобровский

Отличники от других...
Первая четверть

«Издательские решения»

Бобровский В.

Отличники от других... Первая четверть / В. Бобровский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838306-9

Эта книга о тех молодых людях, кто считает, что отличается от окружающих. Книга, наполненная спокойным юмором, написана от лица главного героя. Летом на море он случайно знакомится с девушкой-инвалидом. Ему нравится новая знакомая, воспринявшая его всерьёз. Она — умная, рассудительная, уверенная и жизнерадостная, несмотря на увечье. Ради неё он пересматривает свои детские взгляды на особенных людей, начинает тренироваться, чтобы стать достойным дружбы с ней.

ISBN 978-5-44-838306-9

© Бобровский В.
© Издательские решения

Содержание

Влад Бобровский	6
ОТЛИЧНИКИ	7
Море. Новая знакомая	7
Девушка Маша	16
Ещё день на море. Мечты.	22
Домой. Дом чудес и неожиданностей.	32
Одноклассники. Я читаю книжку Маши.	46
С семьёй, проводы и встречи	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Отличники от других...

Первая четверть

Влад Бобровский

Иллюстратор Владимир Касторный

© Влад Бобровский, 2023

© Владимир Касторный, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4483-8306-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Влад Бобровский

ОТЛИЧНИКИ ...ОТ ДРУГИХ Первая четверть.

Каждый человек имеет право быть таким, каков он есть.

Море. Новая знакомая

Это был ещё один год, когда с мамой и сестрой мы отдыхали на Чёрном море, в пионерском лагере. Я закончил седьмой класс и, строго говоря, давно не считался пионером. Для мамы это была часть её работы с детьми, а для нас с сестрой – что-то типа Дома отдыха, с условием выполнения местных правил и распорядка дня. Учёба в школе не казалась для меня очень сложной. Я дружил с одноклассниками, троих из которых знал с детства по играм во дворе. Но продолжительное общение с ними тяготило, и если после уроков те собирались компаниями играть в футбол, я стремился домой, где предвкушал встречу с героями очередной интересной книги. Я был клиентом как минимум трёх детских библиотек, в которых перечитал, помимо набора книг, рекомендованных школьникам заботливым Министерством образования СССР, многие другие интересные издания, не «предписанные» вниманию подростков.

Лагерь по традиции был для меня обязанностью. Я наизусть знал всё, что может там произойти, какие будут экскурсии, развлечения. Может быть, за исключением настоящей военизированной игры «Зарница», которая устраивалась для старших ребят. И мне в этот раз довелось побегать с деревянной копией автомата Калашникова по холмистым, заросшим кустарником лугам в зелёной, похожей на военную, форме. На поле звучали даже настоящие взрывы с дымом. После одной из перебежек в атаке я упал на землю, и метрах в трёх от меня такой взрыв прогремел. Приподняв голову, чтобы оглядеться, увидел взрослого человека в военной полевой форме и в каске, который сидел в замаскированном кустами окопе и махал рукой, чтобы я отползал в сторону. Эта игра увлекала, особенно когда, представляя себя партизаном, я скрывался в окопах и в зарослях, где наелся ежевики и орехов с кустов лещины. Потом я узнал, что организаторы «Зарницы» пригласили пограничников из военной части для организации этих самых взрывов, окопов, холостых выстрелов, сигналов ракетниц и прочих атрибутов настоящего боя.

Я научился сносно плавать и мог заплывать к буйкам, и даже за них, чего вожатые не одобряли. От санкций в виде запрета купания до самого отъезда домой меня спасала протекция мамы. В этот раз, нырнув однажды к яркому, усыпанному разноцветными камнями, залитому солнцем дну, я нашёл в песке позеленевшую от времени большую медную монету 5 копеек 1868 года с полу-истёртым царским двуглавым орлом на реверсе. Правда, я очень завидовал сестре, которая умудрилась в том же месте найти абсолютно неповреждённую монету 3 копейки 1893 года. Но, по большей части, среди моих трофеев оказывались полупрозрачные камешки, ракушки и камни с отверстиями, которые почему-то называют «куриные боги».

В один из дней была отличная погода, я загорал на пляже и читал книжку про Робинзона Крузо. Все пошли купаться, и я поплыл к буйкам, чтобы выбраться из окружения визжащих и барахтающихся на мелководье, как косяк сельди в трале, ребят и рассмотреть на глубине красоты морского дна через стекло маски. Эта новая игрушка позволяла мне видеть подводный мир, как в иллюминаторе «Наутилуса», при этом солёная вода не попадала в глаза и в нос. Меня обогнала девушка. Я обратил внимание на то, как она красиво плывёт кролем, правильно, как пловцы на чемпионате, что недавно показывали по телевизору. Где-то в глубине души мельк-

нула досада от того, что сам так не могу, правильно и красиво. Она доплыла до буйка, отдохнула минутку, обняв его красный бок, и, откинув со лба мокрые волосы, посмотрела на меня. Чувство неуверенности охватило меня от прямого взгляда её зелёных глаз. Симпатичное лицо с небольшим вздёрнутым носиком раскраснелось, и на нём сверкали капельки воды. Она улыбалась. Мне улыбалась!

– Привет, Мальчик! А можно, я с твоей маской поныряю? – услышал я неожиданно мелодичный голос.

Я стащил с лица и протянул ей свою игрушку.

– Привет! А как тебя зовут?

– Маша, – ответила русалка и, озорно взглянув на меня из-за стекла маски, нырнула на глубину.

Потом вынырнула через минуту за моей спиной и крикнула: «Спасибо, Мальчик!», а когда я обернулся – на поверхности воды были только круги и мелкие пузырьки. Я поплыл к буйку и, обняв его, повис, глядя под воду, где на большом валуне косы ярко-зелёных водорослей шевелились в прибое, а среди них на песке сверкали белые ракушки и осколки мрамора. Пока наблюдал за стайкой рыбок, вернулась Маша также неожиданно, как и исчезла и, ухватившись рукой за бочонок буя, свободной сняла маску, протягивая мне. Задорные огоньки в её зелёных глазах играли с солнечными зайчиками, отразившимися от волн моря.

– Здорово! – с восторгом крикнула она, отдышавшись. – А как тебя зовут, Мальчик?

Я назвал свое имя. Самому надоело, что она зовёт меня все время Мальчиком.

– Вот и познакомились, – сказала она. – Очень приятно!

– А ты красиво плаваешь, Маша!

– Спасибо! Это меня папа научил. Мы с ним каждое лето приезжаем на море. Здесь классно, правда?

– Да, мне тоже нравится. Такие красивые горы, тёплое море! Люблю походы и экскурсии. Но в пионерском лагере, где я живу, бывает скучно. И всякие линейки, зарядки, а особенно тихий час после обеда – не по мне.

– А я бы хотела в лагерь попасть. Играть вместе со сверстниками – это ведь весело! Много друзей!

– С папой бы, с удовольствием на море отдыхал «дикарями» вместо лагеря, – задумчиво ответил я. – Он придумывает столько интересных игр! Но, обычно всегда работает. Я с ним только по вечерам общаюсь.

– Мой папа очень добрый и тоже любит со мной заниматься. Он находит мне интересные книжки, и я читаю их запоем, даже по ночам, пока не закончу. Не могу заснуть, пока не пойму, что будет с героями. Давай, наперегонки?

– Давай, – сказал я и что есть силы, поплыл к берегу, с шумом разбрасывая вокруг себя тучи брызг.

С сожалением увидел, как Маша уплыла далеко вперёд, а когда вернулась, я мысленно похвалил себя за то, что заранее надел маску, и она не видит моего покрасневшего лица.

– От тебя брызги, как от моторной лодки, Влад. Плавать нужно аккуратно, не тратить силы на разбивание воды руками. Посмотри, моя рука входит в воду не с ударом, а плавно, и с силой греблю ладошкой, когда она окажется под водой, – пояснила она и грациозно показала мне замедленные движения пловца кролем. – Понял?

Я попробовал сделать несколько гребков. Получилось, но как у робота. Рука, выскочив из воды вверх, по инерции ударяла по поверхности моря, и на гребок размаха уже не оставалось.

– Стоящий секрет! С непривычки не очень удобно. Руки устают.

– Ноги держи ровно вытянутыми и перебирай ими, как будто быстро поднимаешься по невысоким ступенькам. А голову поворачивай в сторону руки, которая остаётся сзади. Так

вода не так будет попадать в лицо, и ты сможешь быстрее плыть, – продолжала весёлым голосом моя новая подруга.

– Спасибо, Маш. Ты классно объясняешь! – воскликнул я, отплёвываясь от воды.

И поплыл на спине, перебирая ногами. Так у меня получалось более-менее быстро плыть и одновременно отдыхать на воде.

Новая знакомая плавала вокруг, наслаждаясь морем и время от времени, поворачивая голову с развевающимся в воде шлейфом длинных волос, хитро поглядывала на меня. Маска явно была неуместной. Я начал боком «подрабатывать» к берегу, имитируя длинную баржу, и тоже смотрел на неё, как бы через иллюминатор. А потом барьер стеснительности куда-то делся, уступив место непонятной раскрепощённости, и смех разобрал меня. Мы резвились, напоминая окружающим стайку морских котиков, ныряли за цветными камушками и болтали о том о сём, шутили. Было легко и весело разговаривать с практически незнакомой девушкой. Я не замечал у неё и тени снисходительности или высокомерия, которые раньше зачастую испытывал на себе при общении с другими сверстниками. Доплыв до мелководья, я встал на заросший водорослями скользкий валун и рассмеялся, должно быть, так заразительно, что и она засмеялась звонким заливистым смехом. Она тоже подплыла к валуну и на минутку забралась на него, но поскользнулась, погрузившись в воду и попутно столкнув меня с мели.

– Давай на берег, Владик? – позвала Маша сквозь смех.

– Поплыли, – согласился я, почувствовав, что мне тоже надоело купаться.

– Поможешь немножко? – спросила она, когда мы, барахтаясь, подобралась к самому берегу, и мелкая разноцветная галька уже щекотала наши животы, мешая плыть.

– Конечно, – согласился я, не успев осмыслить, чем собственно нужно помочь.

Мы встали на ноги одновременно, и она тяжело опёрлась на мое плечо, отбрасывая рукой мокрые волосы, шлёпнувшие меня по спине. Меня пронзило острое незнакомое чувство, смешавшееся тут же с жалостью к ней. Я увидел, что правая нога её не имела ступни. Голень заканчивалась сантиметрах в тридцати от земли, и девушка вынуждена была сохранять равновесие на левой ноге, чтобы стоять. Надо сказать, что делала она это ловко и даже грациозно. Я увидел в её посерьёзневших глазах беспокойство впрочем, быстро сменившееся уверенностью.

– Влад, просто иди, а я немного обопрусь о твоё плечо, – сказала она. – Нести меня не нужно.

Я осторожно пошёл по горячим камням пляжа к лежакам, на которые указала она. Возле них блестели на солнце металлические костыли. Маша прыгала на левой ноге ловко в такт моим шагам, лишь слегка опираясь на руку, чтобы сохранить равновесие. Она села, разгорячённая, внешне весёлая и стала вытирать большим испещрённым яркими латинскими буквами полотенцем свои длинные волосы. А я смущённо стоял рядом, по инерции глупо улыбаясь, и боялся что-либо сказать. Не мог найти слов, чтобы продолжить разговор, лихорадочно соображая, что лучше: посочувствовать ей, (но как?) или сделать вид, что всё отлично и подбодрить её (тоже как?).

– Давно с тобой это случилось? – наконец спросил я, решив, что это будет самый нейтральный вопрос.

– Зимой, в прошлом году. Было скользко, и машина не успела остановиться... «Врачи сделали все, что смогли», – как мне сказала мама. Сохранить ногу не было возможности.

Маша отвернулась, а голос её приобрёл металлические нотки.

– Я тебе сочувствую, – произнес я еле слышно, и тут же покраснел. – Тебе, наверное, тяжело ходить. Ты ходишь на костылях?

– Я уже привыкла, – сказала девушка, должно быть, поняв моё замешательство. – Я тренируюсь шагать с протезом, и непременно буду ходить как все здоровые люди. Пока костыли ещё использую, если долго на ногах. В школе там, или гуляю, стараюсь без них обходиться.

Не люблю шушуканья за спиной и жалостливых взглядов вдогонку. Хочу научиться бегать так же хорошо, как плавать.

В голосе её слышалось упрямство и напор.

– Ты сможешь, – ответил я тихо, чувствуя, что густо краснею. – Ты сильная, ловкая и... красивая.

– Спасибо, Владик! Мама говорит, что пока я расту, мне нужен каждый год новый протез. А чтобы ноги одинаково росли, нужно каждый день тренироваться. У меня дома есть беговая дорожка, тренажёр, и я люблю по утрам бегать по парку или по улице, когда хорошая погода. Стараюсь хотя бы раза три в неделю ходить в бассейн плавать. А ты как время проводишь?

– Я по утрам дома с гантелями зарядку делаю. А, вечером – уроки. Не представляю, как другие успевают ещё спортом заниматься..., – начал рассказывать я, не сильно заботясь о логике, и осёкся, чувствуя, что мелю что-то не то. – А ещё, я начал учить испанский язык. Хожу вечером на курсы в Доме пионеров. И очень хочу научиться понимать и хорошо говорить на английском. У нас нормальный учитель, но я ещё дома стараюсь книжки и журналы на английском читать. Правда, словарь быстро рвётся, когда в нём почти каждое слово ищешь.

Маша улыбнулась, задумчиво глядя на море.

– Я тоже учу английский. Мне нравится этот язык, и папа мне помогает его изучать. Мы стараемся иногда разговаривать на нём друг с другом. Do you want to talk with me in English now?¹

Я вздрогнул от неожиданности, не сразу поняв, что со мной *уже* общаются по-английски. Мне срочно нужно было правильно ответить, чтобы не ударить в грязь лицом.

– ... Yes, I will try... But I can speak English very little,² – произнёс я, запинаясь, и мне стало жарко от неожиданно сочинённой такой длинной иностранной фразы.

– Do you like to have a rest time in the park after school?³ – продолжила Маша, легко строя фразы и правильно произнося английские слова, совсем как наша учительница.

– Yes I do... I like... to walk... in the park.⁴ – Пробормотал я, понимая, что говорю на каком угодно языке, только не на английском.

Маша серьёзно посмотрела на меня. Подумав минутку, сказала:

– Это здорово, что ты сейчас уже научился так говорить. За три года многие мои одноклассники вообще и двух слов связать не могут. Ты – молодец, Владислав. Если позаниматься, набрать словарный запас, ты сможешь, я уверена, говорить, как американец. А постарайся произносить слова правильно – то, как англичанин. Я тоже хочу научиться говорить так, чтобы меня не отличали от англичанки.

– Да, вот бы так научиться! – сказал я, стараясь успокоить биение сердца.

– Я бы хотела с тобой подружиться, если не будешь против. С тобой интересно, ты умный. У меня на самом деле почти нет друзей-сверстников. А те, с кем я гуляю или общаюсь в школе, почему-то не воспринимают дружбу со мной всерьёз. Девчонки моют мне кости, чуть отойдут на пару метров, а в глазах – сплошь ложь и желание скорее уйти, чтобы не смотреть на калеку. Взрослые меня жалеют и оберегают, а я терпеть не могу жалости к себе. Не хочу казаться слабой. И я ненавижу слово «инвалид»! Никогда не говори его мне, пожалуйста!

У меня снова перехватило дыхание от прямого взгляда её больших пронзительно зелёных глаз. Она даже покраснела, то ли от сказанных слов, то ли от недавнего купания.

– Конечно, не буду, Маша! Я хочу с тобой подружиться и не позволю никому дразнить тебя! – произнёс я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно.

¹ – Ты хотел бы поговорить со мной по-английски сейчас? (Англ.)

² – Да... Я попробую... Только я говорю по-английски очень плохо. (Англ.)

³ – Тебе нравится отдыхать в парке после школы? (Англ.)

⁴ – Да, я делаю... Я люблю... ходить... в парке. (Иск. Англ.)

– Спасибо!

Она оглянулась, высматривая, должно быть, своих родителей, затем посмотрела на меня снизу вверх. Солнце пекло во всю, и по раскалённым камням босиком ходить не хотелось. Я старательно терпел жар, переминаясь с ноги на ногу.

– Теперь ты похож не на моторную лодку, а на телевышку, – усмехнулась Маша. – Садись, поболтаем, пока мой папа не пришёл.

Я осторожно сел на горячие камни, мучительно соображая, как продолжить беседу с девушкой.

– В каком ты классе учишься? – наконец спросил я.

– В восьмой пойду в этом году. Пришлось пропустить год, пока в больнице лечилась.

– Я тоже в восьмой пойду, – обрадовался я такому совпадению. – Решил учиться до десятого, а потом в институт. А в твоём городе есть телевышка?

– Есть. Высокая. На горе стоит в самой высокой части города. Если забраться на эту гору по лестнице – такая замечательная панорама открывается – оторваться невозможно! Весь центр видно, дома, храм, вокзал с поездами и мосты через реку, корабли... Я люблю свой город. Он красивый, большой. Давай сыграем в города, и ты его угадаешь?

– Давай, – согласился я. – Начинай!

– Смоленск, – задорно начала Маша.

– Куйбышев, – ответил я.

– Волгоград, – парировала девушка.

– Донецк, – вспомнился ближайший большой город.

– Клайпеда...

– Алма-Ата, – схитрил я.

– Армавир, – не сдавалась подруга.

– Ростов, – автоматически вырвалось у меня.

– Угадал! – крикнула Маша. – Молодец!

– Так это же я в нём живу! Мы что, с тобой – из одного города, Маш?

Я почувствовал прилив радости, в то же время, всё ещё не веря в такое совпадение.

– Вот это, да-а-а! – у девушки снова засверкали задорные огоньки в глазах, и я уже точно знал, что это не отблески волн. – Почему-то, я так обрадовалась! Даже не могу объяснить, почему мне стало так легко!

Она улыбнулась мне застенчивой улыбкой. Я смотрел на неё с восхищением. Никогда не встречал такой удивительной девчонки. Я не чувствовал между нами никакого барьера, почти не стеснялся. Это новое чувство единения с другим человеком захлестнуло меня с головой... Очнулся я от её слов. Да, это же она спрашивает у меня:

– Скажи, тебе нравится *наш* город?

– Конечно! – улыбнулся я мечтательно. – Особенно возвращаться домой откуда-нибудь. А в каком районе ты живешь?

– У нас дом в Рабочем городке. Почти рядом со школой. Я в ней учусь. А ты?

– А я учусь в школе на Западном. Живу в квартире, в пятиэтажке. – Ответил я, вспоминая, где в Ростове находится Рабочий городок.

Надо будет карту посмотреть. Мне было по-настоящему легко на душе и не хотелось расставаться с девушкой. Казалось, мы с ней давно знакомы и я намерен был говорить, рассказать ей всё-всё о себе.

– Здравствуй, молодой человек! – услышал я неожиданно громкий, хорошо поставленный басовитый голос. – Вы пришли к Машеньке? Я вижу, она – не против. Как Ваше имя?

Я обернулся и, взглянув против солнца вверх, прикрыл глаза ладонью. Передо мной стоял высокий мускулистый мужчина средних лет с задорными и подозрительно знакомыми огоньками в серых глазах, улыбаясь в аккуратную чёрную с седыми волосками бородку. В его боль-

ших, как у кузнеца, руках помещались сразу три апельсина и две бутылки «Пепси-Колы». Я снова почувствовал, что краснею, и тихо назвал свое имя.

– Если я правильно услышал, Владислав, Вы – знакомый Марии, верно? – громко спросил весёлый бородач.

Потом обошёл меня, внимательно оглядывая со всех сторон, и сел на соседний лежак, расположив на нём провиант. Это позволило мне перестать щуриться и рассмотреть его лицо.

– Меня зовут Фёдор Тимофеевич. Рад с Вами познакомиться!

– Мы купались вместе..., – пробормотал я неуверенно и не к месту, и почувствовал, что мой голос всё ещё дрожит.

– Я видел. Вы стали опорой моей дочери. Благодарю Вас! Это благородный поступок. – Подбодрил меня Фёдор Тимофеевич.

Видимо, я снова густо покраснел, и на мою защиту бросилась Маша.

– Папа, перестань смущать его, – весело и с наигранно капризными нотками вмешалась она в разговор. – Представляешь, он тоже из нашего города! Никогда не знаешь, когда и с кем сведёт судьба.

– А я никого не смущаю, – прогремел папа. – Я ценю смелость и готовность прийти на помощь. Сейчас не часто встречаются эти качества. И мне, действительно, очень приятно видеть, как вы общаетесь. Машенька, Владислав, предлагаю нам всем немного подкрепиться. Не возражаете?

Удивительно, но минуту назад я вдруг почувствовал, что неплохо было бы что-нибудь съесть. Он ловко выудил из сумки несколько бумажных стаканчиков, картонные тарелки и складной нож. Через пару минут у всех на тарелках оказались порезанные дольками апельсины. С шипением холодная «Пепси-Кола» была разлита по стаканчикам.

– Ну, что же, молодые люди, за знакомство! – шутливо поднял стаканчик Машин папа, будто собираясь чокаться с нами.

Я с благодарностью поднял свой стакан и наполовину опустошил его от любимого прохладительного напитка. Апельсин оказался также прохладным и удивительно вкусным. Краем глаза я заметил, как Маша тоже с удовольствием уплетает сочные дольки, запивая маленькими глотками лимонада. Я подставил лицо солнцу, закрыл на минуту глаза и прислушался к мерному шуму моря, крику чаек и визгу детей, играющих на пляже. Мне было легко и спокойно. Не хотелось, чтобы это чувство прошло и не хотелось возвращаться обратно в лагерь, считать дни до отъезда домой.

– Спасибо, Фёдор Тимофеевич, очень вкусно! – сказал я, вытирая губы от апельсинового сока салфеткой.

– Да, пап, спасибо! – поддержала меня Маша. – А мама не придёт купаться?

– Нет, дочка, она сегодня действует по своему плану.

– Вы приехали отдохнуть всей семьей? – поинтересовался я, обращаясь к обоим, потому что не знал, будет ли вежливым продолжить разговор только с Машей в присутствии её папы.

– Не совсем. Мой брат поступает в институт и сейчас в Москве сдаёт последний экзамен. Вечером будем ему звонить, узнаем результат, – пояснила девушка. – Математика – трудный экзамен, но Мишка хорошо её знает. Он мне всегда помогал с уроками и контрольные решать. Особенно, когда я болела, и приходилось догонять программу. Мишка – очень умный и самый лучший брат на свете!

– Мы с Машенькой этим летом отдыхаем только здесь, а в прежние годы всей семьей загружались в машину и путешествовали весь отпуск, на море, в горы, в тайгу, на Байкал, – начал рассказывать Фёдор Тимофеевич. – Мы объездили Урал, Прибалтику, Карпаты, Кавказ, но каждый раз под конец отпуска приезжаем сюда на несколько дней искупаться и позагорать. Скажу я вам, очень полезная штука перед трудовыми буднями!

– А еще, мы очень любим фотографировать места, где путешествуем. Папа потрясающие фотки делает. Они даже в журнале печатались, – с энтузиазмом вмешалась Маша. – Я тоже начала учиться фотографии.

– У нашей девушки талант фотохудожника. Она схватывает саму суть места, чувствует его душу, и её фотографии всегда говорят о себе сами. – Одобрительно гудел Фёдор Тимофеевич. – Особенно хорошо у неё получаются портреты. Она Вас ещё не сфотографировала?

– Смотри, перехвалишь, пап.

Маша звонко рассмеялась. Она грациозно потянулась, вытащила из сумки большой зеркальный фотоаппарат «Canon» и, привстав на локте, нацелила на меня объектив, сделала серию снимков, сверкнув озорной улыбкой из-за видоискателя. Её длинные каштановые волосы уже подсохли на солнце и разметались по плечам, а я почему-то подумал, что ей очень пошла бы профессия фотожурналистки.

– Владик, ты чего такой смурной? – Маша тревожно заглянула мне в глаза. – Можешь посидеть здесь минут пять, присмотреть за вещами, пока мы с папой сходим переодеться?

Её обезоруживающая улыбка и вопросительный взгляд приковали меня к насиженному месту. Маша ловко встала на ногу, подхватила костыли, и двинулась в сторону автостоянки, высоко подняв голову. Фёдор Тимофеевич, подхватив сумку, поспешил следом, нагнал на каменной лестнице и помог дочери подняться. Я задумчиво наблюдал за ними, размышляя о том, что с таким увечьем ей даже просто ходить – уже подвиг. Я восхищался ей. Она такая настоящая, и ни разу не дала повода себя пожалеть. Мы были на равных. Нет, определенно мне сегодня повезло! Познакомиться с такой девчонкой! Обернувшись, я заметил, что все знакомые лица из нашего лагеря уже исчезли с пляжа, должно быть, на обед. Разные мысли роились в голове, никак не желая выстраиваться в какую-то цепочку. Я привстал на носочки, стараясь заглянуть поверх бетонного забора, за которым скрылись мои новые друзья. Вдруг, увидел над бетонными блоками, огораживающими от автодороги зону пляжа, знакомый профиль, волосы, собранные в длинный хвост, а потом и всю Машу. Она была одета в свободно развевающуюся на ветру красную клетчатую рубашку, элегантные, облегаящие ноги и слегка расклешенные внизу джинсы и белые кроссовки. Подсознание подсказывало мне, что здесь что-то не стыкуется. Я понял: девушка *шла* ко мне, красиво, даже грациозно, лишь слегка припадая на правую ногу. И у неё не было никаких костылей. Она улыбалась, приветливо глядя на меня. Я встал и замер от восхищения, растерянно рассматривая её.

– Ты – такая... удивительная девушка! – Крикнул я, когда она остановилась метрах в пяти от меня. – У тебя так классно получается... идти!

Мне захотелось прикоснуться к ней. Я всё ещё сомневался, что это не мираж. Неуверенно подошёл, поправил за чем-то её волосы, положив длинный хвост на плечо.

– Мы с тобой еще увидимся? Или это сон, после которого необходимо просыпаться и идти по обыденным делам?

Я смотрел в её зеленые с искорками глаза, пытаюсь найти в них признаки снисходительной улыбки. «Ведь я младше как минимум, на год», – отметил я про себя итог своих вычислений

– Если захочешь, можно, – ответила Маша, и в голосе её слышались теплые нотки. – Мы ещё завтра будем на пляже утром, а потом уедем домой. Пойдём, заберем твои вещи, и ты меня проводишь до машины.

Я подхватил её сумку, и мы осторожно пошли по камням к моим вещам. Я быстро надел шорты, рубашку и сандалии, взял сумку с книжкой и так и оставшимся сухим полотенцем. Маша взяла у меня футляр с фотоаппаратом, достала его и, отойдя на пару шагов, нацелилась на меня объективом. Потом, секунду подумав, подошла ко мне вплотную и попыталась рукой расчесать мои волосы. Я стал столбом, чувствуя, как меня кинуло в жар. А девушка, как

ни в чём не бывало, улыбнувшись, вернулась на позицию и сделала несколько снимков меня на фоне моря и гор.

– Маш, а можно я тоже попробую тебя сфотографировать? – пробормотал я, обретя снова способность шевелиться и разговаривать.

Мне срочно требовалось потрогать этот заморский, по всей видимости, профессиональный фотоаппарат. А может быть я хотел запечатлеть красоту и грациозность девушки. Она легко протянула его, накинув ремень мне на шею.

– Давай. Я с удовольствием! Нажимай кнопку наполовину – откроется объектив, и ты увидишь меня в зеркале. Вот этим кольцом настраивается резкость. Можешь отрегулировать свет этим рычажком на колечке диафрагмы. А потом дожимай кнопку спуска, только не держи долго, а то он автоматически серию снимков сделает. На всякий случай, не опускай аппарат, пока полностью не отпустишь кнопку. Понял?

– Ага.

Я навел «Сапон», приятной тяжестью нагрузивший мне руку, на девушку, отступившую от меня на пару шагов, и поймал в фокус её на фоне живописной скалы в конце пляжа, красиво спускающейся в море.

– Посмотри на меня, пожалуйста. – Крикнул я Маше, невольно залюбовавшись профилем её гордо поднятой головы с развевающимися на ветру волосами.

Она начала поворачивать лицо ко мне, и я дождал кнопку до упора, намеренно удержав на пару секунд. Фотоаппарат исправно отработал серию щелчков, запечатлев девушку почти в движении.

Маша рассмеялась, глядя в мои восторженные глаза, и заметила:

– Только не говори, что никогда не фотографировал.

– А я и не говорю, – смутился я. – Я тоже очень люблю снимать и сам печатаю фотки на увеличителе. Меня мама научила. Она классно их делает. У нас дома есть небольшая комната-чулан, которую я оборудовал под фотолабораторию. Табличку вешаю на дверь «Не входить – идет процесс!», чтобы мне не мешали, проявляю... А потом люблю рассматривать на фото те места, где побывал и тех людей, с кем встречался. Наутро, весь пол в комнате бывает усыпан высохшими, скрученными в трубочки фотографиями на газетах. Так что их невольно видит и вся моя семья.

– Знаешь, я тоже люблю всё делать сама. Можно любых эффектов добиться, подержав фотографию в различных растворах. А недавно, папа привёз из Москвы несколько цветных пленок и реактивы. Я, когда приеду домой – попробую цветные фотки напечатать. Кстати, ты меня именно на такую пленку нащёлкал.

Мне показалось, Маша не хотела уходить, воодушевлённо рассказывая о своём увлечении. Потом, словно опомнившись, она протянула мне руку. Я снял с шеи фотоаппарат и вернул ей, осторожно помогая засунуть его в чехол.

– Пойдём, а то папа, наверное, уже изжарился в машине.

Нотки сожаления в Машинном голосе подтвердили мою догадку. Я взял её под руку, и почувствовал, как тяжело она на меня опёрлась.

– Прости, Маш, я должен был догадаться, что тебе тяжело стоять. Но ты так здорово ходишь, не подаёшь виду, что тебе бывает трудно. Ты такая...! Ты обязательно будешь снова легко ходить, бегать и, может быть, станешь спортсменкой.

Она задумчиво посмотрела на меня погрузневшим взглядом.

– Спасибо тебе! Ты добрый и очень внимательный, Владик! – голос её дрогнул. – Я никогда бы не подумала, что встречу парня, который... не такой как другие, и к тому же, захочет со мной дружить! Обязательно сегодня расскажу Мишке по телефону.

Мы медленно пошли по камням к бетонной лестнице, ведущей к автостоянке. Я помог ей взойти наверх, поддерживая на верхней ступеньке. Недалеко стояла белая «Волга» ГАЗ-2402 «универсал», возле которой ходил Машин папа.

– Ну что, молодёжь, пора нам ехать на обед. Вас подвезти, Владислав?

– Нет спасибо, я тут рядом в лагере живу. Мне тоже пора на обед. Все уже ушли...

– Ну, пока, Влад! – голос Маши согревал теплотой. – Мы же, ещё увидимся?

– До свидания, – ответил я громко, невпопад, поскольку мысли путались в моей голове. – Спасибо вам за всё! Вы с папой – замечательные!

Я поставил сумку в багажное отделение и взял Машу за руку, помогая ей устроиться на переднем сиденье.

– Мы обязательно увидимся, – продолжил я уже тише. – Я приду сегодня часов в шесть купаться. Ты будешь?

– Хорошо, наверное, с мамой придём ненадолго. Нам вечером на переговорный пункт нужно ехать, Мишке позвонить. Как он там экзамен сдал?

Захлопнув дверь, я отошёл от машины. Фёдор Тимофеевич легко занял место водителя, завёл мотор, и «Волга» с характерным урчанием выехала со стоянки, скрываясь за облаком пыли. Я медленно побрёл к лагерю. Мне нужно было побыть одному и подумать. Я никогда не испытывал ничего такого раньше. Шёл как во сне, автоматически поворачивая на нужные тропинки и находя в ограде лагеря калитку. Упёршись в здание столовой, зашёл, попутно обнаружив, что почти никого уже в ней нет. Механически прожевал картошку с котлетой, запив всё это компотом, а потом сел на скамейку под кипарисом на аллее, ведущей в жилой корпус. Мои мысли были далеко. Хотелось, чтобы никто не мешал. Я думал о моей новой знакомой. Думал о том, как могла произойти авария, как девушке было больно сразу, и как наверное было больно и страшно, когда она узнала, что на всю жизнь лишилась ноги, стала не такой как все дети, стала инвалидом. Какое мужество, силу воли она должна была иметь, чтобы преодолеть боль и заново научиться ходить, чтобы остаться собой, красивой, умной, жизнерадостной девушкой, сделать так, чтобы окружающие не подозревали об её недостатке! Несмотря на жаркое солнце, мне стало зябко. Я подумал, что вряд ли смог бы выдержать даже десятую долю тех испытаний, которые преодолела Маша. Было стыдно за свою тёплую, уютную, размеренную жизнь, за то, что я пренебрегаю спортом и жалею на отсутствие времени для физических упражнений. Я только сейчас начал осмысливать, что ничего ещё в жизни не узнал и не пережил, и, в сущности, не готов к настоящим испытаниям. Сколько раз обещал себе заниматься ежедневно зарядкой и качать мышцы с гантелями. Меня хватало дня на два, а потом были, как казалось, более важные дела. Хотелось играть, когда уже нужно было делать реальные вещи и принимать реальные решения. Словом, пора было становиться взрослым. Я подсознательно чувствовал, что только в этом состоянии могу адекватно воспринимать моё новое знакомство и разобраться в моих новых мыслях и ощущениях. Детство не соответствовало этому незнакомому статусу, и я дал себе обещание, во что бы то ни стало поскорее стать взрослым, чтобы стать достойным Маши.

Девушка Маша

Должно быть, я заснул на скамейке, потому что вздрогнул, почувствовав, что меня кто-то трогает за плечо. Сестра сидела рядом и будила меня.

– Что случилось? – спросил я, просыпаясь окончательно.

– Ты чего не в отряде? – спросила она тревожно. – Тебя все ищут...

– А сколько времени? – поинтересовался я, начиная злиться. – И зачем меня искать? Я что, маленький, ходить строем за пионерами?

– Ну, если немного и вырос за несколько часов, то это не считается. – В голосе сестры сквозил холодок сарказма. – Скоро пять вечера. И тебя ищет мама. Она в кружке детского творчества. А вечером мы идём в посёлок на переговорный пункт, звонить домой папе. Здесь телефон опять не работает.

Выложив мне все новости, она немного успокоилась и попробовала гребёнкой из своей сумки расчесать мои, наверное, слишком растрёпанные волосы. Я резко отшатнулся от неё.

– Ты чего такой злой? На солнце перегрелся?

Сестра посмотрела на меня подозрительно.

– Может и перегрелся! – огрызнулся я.

Досада, что меня побеспокоили, всё ещё не отпускала, и голос звучал как-то неоправданно зло. Я не хотел злиться на Сашу, но не сумел себя заставить сразу смягчиться.

– А во сколько пойдёте в посёлок? – поинтересовался я, успокаиваясь.

– В восемь, только и ты тоже пойдёшь. Нам нужно сообщить папе номер поезда, которым мы возвращаемся домой, чтобы он нас встретил на такси. – Сестра снова казалась невозмутимой. – А ты разве не хочешь поговорить с бабушкой и папой?

– Хочу, – угрюмо буркнул я и уставился в асфальт, по которому ползли вереницей мелкие муравьи, таща толпой нескольких больших красных жучков, которым, похоже, было уже всё равно, куда и кто их тащит. – Я в шесть пойду купаться, а потом после ужина найду вас.

– Как хочешь. – Как-то подозрительно легко согласилась она. – Только тебя всё равно ждёт в корпусе мама.

Я нехотя поднялся и пошёл в здание, где находился кружок детского творчества. Мама учила пионеров делать разные модели, поделки, рисовать и лепить из пластилина на стекле разноцветные картины. Одно время я тоже увлёкся этой лепкой на стекле. Сашка мне рисовала контуры чёрной тушью, а я размазывал в них пластилин различных цветов. Мама даже несколько моих работ на выставке в лагере разместила. Потом стало скучно это делать.

Мама встретила меня апельсином, который я схватил и стал грызть как яблоко с кожурой. По майке потёк жёлтый сок. Сумку с полотенцем, маской и книжкой я бросил в угол.

– Ты пойдёшь с нами, Владик? Мы позвоним папе, а потом поедим мороженое.

– Пломбир?

Мама кивнула, улыбнувшись.

– Пойду, только сначала искупаюсь. Я хочу попасть на пляж до ужина.

Я развернулся, чтобы идти.

– Постой! Зайди в комнату и переодень майку. А можешь вообще-то надеть приличные шорты и кеды. Все-таки в городок едем. Там люди... – Мама не оставляла надежды научить меня следить за собой.

– Хорошо, мам!

Я всё ещё не решил для себя, рассказывать ли ей о своей новой знакомой, или нет. Сестре однозначно говорить не буду. Потом слова не смогу сказать, чтобы не нарваться на её плоские шутки. Поколебавшись секунду, я решительно повернулся и вышел.

– Постой! Возьми полотенце, – мама выглянула в коридор, подавая мне сумку. – Не заплывай далеко.

– Ну, всё, я пошел, мам, – протянул я.

Плетясь по аллее переодеться, подумал, что Маше понравится, если она увидит, что я умею следить за собой, как взрослый. Забежал в комнату, быстро переоделся, смочил водой волосы, чтобы они, наконец, причесались, и выбрался с территории лагеря в направлении пляжа.

На часах было шесть часов вечера. Солнце, казалось, вознамерилось спалить всё живое, сущее под ним. Я с ужасом представил, что придется снимать обувь и ходить по раскалённым твёрдым камням, пусть даже недалеко.

На пляже было полно народу. Я внимательно вглядывался в лица и в другие места загорающих, слоняющихся по пляжу и в изобилии купающихся граждан. Солнечные зайчики от воды слепили глаза. Я повернулся к бетонной ограде и посмотрел в сторону стоянки в надежде отыскать знакомый белый «универсал». Машины стояли очень плотно, а непоместившиеся на стоянке, растянулись вереницей вдоль обочины далеко в обе стороны дороги. Но нужной «Волги» не было видно. Подошёл поближе к лестнице, и, увидев пару квадратных метров просвета среди тел и полотенец, расположил на них свои вещи. Снова встал, всё ещё не решаясь раздеваться под лучами палящего светила. Я вглядывался в горизонт, пока не начали слезиться глаза. Крепко зажмурившись, я всё равно не мог избавиться от красных кругов, дожидаясь, пока под закрытыми веками немного стемнеет.

– А теперь ты похож на аэродромный локатор. Он так же вращается на триста шестьдесят градусов, как твоя голова. – Машин голос откуда-то из-за моей спины звучал весело и задорно.

– Машка, привет! – воскликнул я радостно и, развернувшись вокруг своей оси на её голос, открыл глаза. Среди красных кругов и звёздочек я увидел знакомую стройную фигурку в облегающих джинсах Levi's, ослепительно белой футболке и белых кроссовках с зигзагом Nike.

Она смотрела мне прямо в глаза, и улыбка играла на её губах. Блестящие каштановые волосы были заплетены в косичку – «колосок», доходящую ей до середины спины, подчеркивая гордую осанку. Девушка протягивала мне стаканчик «пломбира».

– Я попал в сказку, где исполняются желания? – спросил я, с трудом оторвав взгляд от прохладного лакомства.

– Конечно. Приятно познакомиться! Я – фея!

Маша, хитро взглянув на меня, откусила кусочек мороженого из своего стаканчика.

– Спасибо, фея!

Я всё ещё не мог прийти в себя от неожиданности. Мы некоторое время стояли, глядя друг на друга и, еле сдерживая смех, поедали мороженное.

– Ты здесь хочешь остановиться? Пошли к нам. Мы с мамой во-о-он там возле дамбы лежаки заняли. Тебе, кстати, тоже. – Сказала, наконец, девушка деловым тоном.

И пошла вперёд, уверенно лавируя между телами загорающих граждан. Я невольно залюбовался её стройной, элегантной фигуркой. Мы остановились на мелкой гальке метрах в пяти от бетонного волнореза, далеко уходящего в море. Три деревянных лежака с подголовниками стояли в ряд почти у кромки тихо плещущейся воды. Женщина в солнцезащитных очках, соломенной шляпе и тёмно-зелёном купальнике, сидевшая на одном из них, читала журнал «Наука и жизнь». Она оторвалась от чтения и, сняв очки, приветливо посмотрела на меня из-под широких полей своей шляпы. Её улыбка и выразительные черты лица, как будто, были фотографией Маши в будущем, лет через двадцать.

– Мам, познакомься, это Владислав. Он живёт в нашем городе. А сейчас мы купаться будем.

– Здравствуй, Владислав! – голос женщины звучал негромко, но ясно слышался каждый звук. – Рада с тобой познакомиться. Меня зовут Анна Петровна.

– Очень приятно, Анна Петровна!

Я вежливо улыбнулся, попытавшись незаметно сдуть капельки пота со лба. Женщина жестом пригласила меня расположиться на свободном месте. Незамедлительно воспользовавшись предложением, заметил, как Маша, одновременно со мной в точности повторила моё движение, растянувшись на спине и, зажмурившись, растянула плотно сжатые губы в улыбке.

– Ну что, дети, как насчёт... по стаканчику лимонада? – Анна Петровна достала бутылку Дюшеса и два картонных стаканчика.

– Спасибо! – откликнулись мы хором, одновременно взяв угощение.

Прохладный напиток привел меня в чувство, и я начал думать, как будет правильно: их обоих пригласить купаться, или только к Маше обратиться.

– Чего в одежде паритесь? Марш купаться! – мама шутливо хлопнула дочку пониже спины, тем самым разрешив дилемму. Мы незамедлительно выполнили «приказание», как будто только этого и ждали. Маша моментально сняла майку, джинсы, кроссовки, оказавшись в ярко-синем купальнике, и стянула с ноги протез. Он был похож на высокий сапожок телесного цвета, который фиксировался широкими ремнями к бедру выше колена. На розовой коже раненой ноги от них остались следы. У меня снова защемило сердце от жалости к ней. Но теперь я по-другому воспринимал особенность Маши. Я уважал её, как мужественного человека и хотел помочь ей быть самой собой. Подруга подняла голову и убрала с лица прядь волос.

– Ну что, готова? Пойдем в воду. – Я встал, протянув руку Маше, помогая ей встать. Она опиралась на моё плечо, осторожно прыгая по камням к воде, а когда мы зашли по пояс в море, вдруг обхватила мою шею руками и запрыгнула мне на руки. Её лицо со смеющимися зелёными глазами оказалось очень близко к моему. Я чуть не упал от неожиданности, еле успев напрячь мышцы рук, но вода помогла удержать дополнительную нагрузку. Я сделал несколько шагов, поскользнулся на заросшем тиной камне, и мы вместе рухнули в воду, разбрасывая тучи брызг и смеясь.

– А ты сильный! – с восхищением крикнула Маша, вытирая лицо. – Теперь я знаю, внешность обманчива.

Я в этот момент погрузился с головой под воду и не услышал части сделанного мне комплимента. Вынырнув, я жестом позвал подругу за собой и поплыл в открытое море. На глубине вода стала ощутимо прохладнее. Шли волны, которые подхватывали нас и качали вверх и вниз. Маша быстро меня обогнала и через несколько минут уже плавала вокруг буйка. Я, пыхтя и отплеываясь от морской воды, медленно приближался к ней.

– Давай сегодня в Турцию не поплывем, – сказала девушка, глядя на меня сквозь пряди слипшихся волос, прикрывших её левый глаз. – А то к ужину не успеем вернуться. Я смотрела по карте, до турецкого города Синоп отсюда всего километров триста напрямую через море.

– А я, когда был с мамой в Сухуми, взбирался на гору Ахун и со смотровой площадки пытался увидеть турецкий берег. Экскурсовод говорил, что в ясную погоду это возможно, – вставил я, все еще не выровняв дыхание после заплыва.

– Я мечтаю, стать журналисткой, – неожиданно сказала Маша, глядя вдаль. – Может быть, фотожурналисткой, делать фоторепортажи для журналов и объездить весь мир! Хотела бы узнать больше о каждом месте, где побываю. Только заглянув в каждый уголок Земли, можно постичь мудрость Природы! А ты, о чём мечтаешь, Влад? Кем хочешь стать?

Я удивился, насколько оказались близки к истине мои догадки.

– Я тоже обожаю путешествовать и что-нибудь исследовать, – сказал я. – Мне нравится разбираться с разными механизмами, что-то конструировать и изобретать. А ещё я люблю машины. Я собрал коллекцию моделей автомобилей, статьи, вырезки из журналов о них. И про-

фессия журналиста мне тоже нравится. Я хотел бы писать репортажи и поступить в институт МГИМО. Но точно ещё не решил, кем буду. В школе стараюсь разобраться в физике, химии, математике, географии, истории и, конечно же, английском. Это все мои любимые предметы. Ещё нравится военная подготовка и труд.

– А мне тяжело даётся физика. Я пропустила год, дома по учебникам пробовала наверстать, но что-то, видимо, не поняла. – Маша с надеждой посмотрела на меня. В голосе её слышалась досада. – Математику ещё могу понять или выучить наизусть, а вот физику – нет. Впрочем, с химией – та же история.

– Хочешь, я тебе буду помогать по физике, когда учебный год начнётся? – предложил я. – Мы ведь сможем встречаться в Ростове?

– Классная идея! Я – с удовольствием! – Маша снова повеселела и исчезла под водой.

Я растерянно обернулся, гадая, в каком месте она вынырнет. Но её всё не было, и я начал беспокоиться, вглядываясь в прозрачную воду моря.

Она вынырнула внезапно за моей спиной и, с шумом дыша, стала отфыркиваться от воды. В глазах играли знакомые озорные зайчики.

– Закрой глаза!

Я послушно закрыл глаза, подгребая руками, чтобы не погрузиться под воду. И почувствовал ладонью мягкое прикосновение Машиной руки. Она вложила что-то и сложила мои пальцы в кулак.

– Открывай аккуратно! – сказала она.

Я осторожно раскрыл ладонь, надеясь найти в ней круглый камешек, как мне показалось на ощупь. Но в руке лежала позеленевшая от старости истёртая монета «5 копеек». На ней можно было различить изображение царского двуглавого орла в обрамлении лавровых ветвей и год 1869.

– Это тебе на память о нашей встрече, Владик. – Маша радостно посмотрела в мои округлившиеся от удивления глаза.

– Спасибо, Машенька! Я буду хранить её как талисман! Но как ты смогла так глубоко нырнуть и так быстро найти клад? – недоумевал я.

– Тренировалась, когда в бассейне плавала. Сейчас могу минуты на две дыхание задерживать. А опытные аквалангисты до пяти минут способны под водой не дышать. Там красиво, только соль глаза щиплет. В маске хорошо плавать. А ты, чего свою маску не взял? Сейчас бы ещё что-нибудь нашли. Там внизу можно песок раскопать, монетки опять же, поискать.

– Я завтра принесу. Можем понырять. Ты купаться завтра придёшь?

– Да, утром. Ещё разок искупаемся и поедем после обеда домой. Папа хочет успеть в Ростов до темноты. В машине что-то с фарой случилось.

– А мне ещё пять дней здесь торчать. Без встреч с тобой скучно будет.

– Да прям! У тебя что, знакомых девочек в лагере нет? А ребят?

– Нет. Мне не интересно в футбол гонять или сплетни про других слушать. – Начал я, и сразу почему-то стало неудобно от сказанных слов.

– А как тебе было бы интересно проводить время с ними?

– В походы ходить, наверное, подниматься в горы, искать минералы или, хотя бы на крайний случай – ежевику или орехи поесть. Ещё мастерить что-нибудь.

– И что, за всю смену ты ни разу не делал с отрядом того, что тебе нравилось?

– Был у нас один поход в горы и одна военизированная игра «Зарница». Побегали мы по лесу, в партизан поиграли. Было здорово! А в последние дни – только кино с комарами по вечерам и дискотеки. Стало скучно.

– Ты не любишь танцевать? – насторожилась Маша, тревожно посмотрев на меня.

– Не очень. Я плохо умею это делать. Может быть, поэтому девочки со мной и не хотят дружить.

– Э-эх, все вы, мальчишки такие! Так научись! Есть же кружки танцев. Очень красиво акробатический рок-н-ролл школьники танцуют. Я в начальных классах танцевала рок-н-ролл. Знаешь, дух захватывает от ритма и свободных движений! Но, к сожалению, сейчас это уже невозможно. – Голос Маши стал глухим и грустным.

– Поплыли к берегу, Маш, – решил сменить я тему.

– Давай, только не наперегонки. Я немного устала.

Маша легла на спину и поплыла первая. Я поплыл рядом, боясь разжать ладонь с монетой. Выбравшись на берег, мы сели у кромки воды на мелкую гальку, и я стал искать цветные камушки и обломки ракушек. Маша молчала, задумчиво глядя в море. Мне стало как-то неуютно от повисшей паузы. Захотелось разрядить её.

– Машка, ты удивительная девчонка! Я понимаю, как тебе бывает тяжело! И, при этом, ты умеешь поддержать не только себя, но и окружающих тебя людей. В тебе есть какая-то очень тёплая искорка. Я хочу тебе помочь научиться полноценно жить, поддержать тебя, а получается, что всему этому учишь меня ты, своим примером.

– Спасибо, Влад! Мой дедушка учил меня быть сильной. Царствие ему небесное!

Я, наверное, был весь воплощение внимания, поэтому она продолжила:

– Он меня очень любил, рассказывал много разных историй из своей героической юности. Дедушка Тима воевал, был военным инженером. После войны привез из Германии много диковинных вещей, немецкий рояль и американский джип «Виллис». До сих пор у нас во дворе стоит. Я, когда была маленькая, любила, забравшись к нему на колени, рассматривать его медали и ордена. Он всегда очень интересно рассказывал, в лицах, так что, слушая, я словно оказывалась в центре событий, и даже могла на них повлиять, если мне не нравилась грустная концовка рассказа. Очень переживал, когда со мной случилось такое несчастье, хотел всячески помочь мне преодолеть психологическую травму. Он тогда сказал мне: «Машенька, никогда никого не вини в случившемся. На всё воля Всевышнего. Бог дал именно тебе это испытание потому, что знает: ты достаточно сильная, чтобы его выдержать. Ты справишься и вернёшься к нормальной жизни, привыкнешь и будешь счастливой, в чём-то более талантливой, чем другие люди. И станешь успешной, если не будешь думать о том, что кто-то обязан тебе помогать. Надейся только на свои силы и научись прощать ближнего своего...». Тогда это была моя последняя встреча с ним... Я позже, много думала, пока лежала в больнице. Я простила человека, сидевшего за рулем того грузовика. И, знаешь, мне стало легче. Перестав плакать и жалеть себя, подумала об окружающих меня близких людях. Я начала тренироваться ходить, сначала на костылях, обслуживать себя, чтобы не быть им обузой, не отнимать у них время и силы. Я научилась терпеть боль и усталость, стала добиваться каких-то результатов и получала удовлетворение от достигнутых маленьких побед. Пожалуй, в этом и кроется один из моих секретов, Влад.

Маша набрала горсть камушков и швырнула далеко в море. Они падали в воду, громко булькая, как крупные капли дождя.

– Машка, ты не представляешь себе, какая ты! – я в восхищении не мог подобрать слов.

– Да ладно, давай лучше переодеться, а то уже скоро семь часов. Я маме обещала к этому времени быть готовой ехать.

Мы перебрались к шезлонгам, и, пока Маша вытиралась полотенцем, я полез в карман шортов, вытащил свою монету, которую нашел раньше, положил перед девушкой.

– Смотри, Маш, у меня тоже есть для тебя сюрприз!

Я с нетерпением смотрел на подругу, вертя в пальцах ее монету. Она внимательно рассмотрела её, потом ту, что мне подарила.

– Ой, спасибо! Это тоже будет мой талисман. Нет, это будет наш с тобой секретный пароль. Смотри, я подарила тебе монетку 1869 года. Тебе ведь в этом году 16 лет исполнится?

– Да, через двенадцать дней.

Я посмотрел на её монету – на ней видны были цифры 1868.

– Я понял, эта монета – была выпущена сто лет назад на твоё шестнадцатилетие! – Радостно доложил я о своем открытии.

– Четырнадцатого февраля, если быть точной. Давай, это будет наша тайна?

– Что? Дата твоего рождения? – съёрничал я, и тут же мысленно обругал себя за несдержанность.

– Нет. Годы, отчеканенные на монетках. Не просто совпадение. Это ведь просто так не подделаешь. – Нисколько не смутившись, уточнила девушка.

Она достала из сумки какой-то квадратик и написала на нем несколько цифр.

– Держи, это мой домашний телефон. Звони, когда захочешь...!

Я кивнул и повертел в руках картонный прямоугольник. Это оказалась визитная карточка. На ней значилось: Морозова Анна Петровна, к.м.н. врач-офтальмолог. И два телефонных номера. Я бережно убрал её в карман

– Спасибо, Маша! Теперь мы не потеряем связь друг с другом.

– Я объясню тебе по телефону, как пройти к нашему дому, и мы встретимся в Ростове. Напиши свой номер. Ты не представляешь себе, как я рада нашему знакомству!

Я написал в протянутом блокноте адрес, телефонный номер, который с детства заучил наизусть по требованию мамы, чтобы не потеряться. И написал полностью свою фамилию, имя и отчество. Подумал, что правильно будет, чтобы и она знала, как меня зовут, а не только я её.

– Маш! – я посмотрел ей в глаза, – сегодня со мной случилось чудо! Я никогда и ни с кем не желал дружить так, как сегодня с тобой! Ты – правда, фея?

– Ага, скорее баба Яга. – Маша подмигнула мне и стала натягивать сапожок протеза. – Нам с мамой скоро идти надо, звонить Мишке. Уже почти семь часов. Мы поедем в город, на переговорный пункт. Папа, наверное, уже подъехал, потому что мама куда-то делась...

Она натянула джинсы, майку, надела кроссовки и собрала полотенца в сумку. Я помог ей встать на ноги, натянул на себя одежду, взял у неё сумку, и мы пошли к выходу с пляжа. По бетонной лестнице спускались Машины родители. Вместе они смотрелись очень мило и наблюдали за нами.

– Ну что, молодые люди, накупались? – громко спросил Фёдор Тимофеевич.

– Да. Маша отлично плавает и вообще, замечательная девушка. – Также громко выпалил я. – Мы договорились встретиться в Ростове.

– Молодцы, дети! Мы рады за вас. До свидания, Владислав! – сказала мама.

Анна Петровна взяла Машину сумку и пошла вперед к машине, потянув за собой мужа.

– Ну что, до завтра? – Девушка тронула меня за руку. – Не забудь маску. Мы поплывем на скалы нырять. Там должно быть очень красиво.

Маша снова улыбалась, и в лучах вечернего солнца глаза её излучали огоньки.

– Пока, Маш! Я завтра к девяти приду. Не рано?

– Хорошо! Отличное время, когда ещё не так жарко. К тому же, я – «жаворонок», люблю вставать рано утром и наслаждаться тишиной. И наблюдать, как просыпается Природа!

Она пошла к машине, и я снова залюбовался её стройной фигуркой с гордо поднятой головой.

Ещё день на море. Мечты.

Ночью, несмотря на усталость, я долго не мог уснуть. Снова и снова проигрывал в уме каждую минуту прошедшего дня. Каждое событие и впечатление, казалось, навсегда отпечатались в моей памяти. Всё, что я считал для себя важным ещё вчера, сейчас мне казалось каким-то наивным, детским и несерьёзным. У меня не было слов, объясняющих произошедшую перемену, но я каким-то подсознательным чувством ощущал себя теперь повзрослевшим человеком, несущим ответственность за свои слова и поступки. Из памяти всплывали до сих пор абстрактные для меня фразы из взрослых фильмов, нравоучения родителей и учителей, призывающие быть таковым, и сейчас они укладывались в моём понимании в естественные законы жизни и взаимоотношений людей. Я с удивлением думал о том, что, наверное, не смогу уже разговаривать со своими школьными товарищами на те, глуповатые темы, которые были интересны нам ещё весной, играть в игрушки, которые были естественны для пятиклассников. Мне почему-то сложно было вечером разговаривать по телефону с папой. Я как будто бы стеснялся обсуждать с ним темы игр и развлечений, которыми мы с ним планировали заняться после моего возвращения домой. Этой ночью я подводил черту под своим детством. Подумал, наверное, тоже впервые в жизни о том, что хорошее и полезное для кого-нибудь я мог бы сделать? Попробовал распланировать завтрашний день и обозначил для себя два важных события: пообщаться с Машей и её семьёй утром на пляже и попрощаться с ней после этого так, чтобы оставить у нас обоих позитивный настрой, чтобы потом, в Ростове встретиться с ней снова. Я готов уже был ждать этой следующей встречи сколько угодно, терпеть оставшиеся дни в лагере и даже сделать что-то, чего обычно делать не любил. Например, заняться спортом. Хорошо, что мои мысли не могли прочесть ни сестра, ни мама, а то бы обязательно придумали для меня что-нибудь этакое.

Потом начал вспоминать, когда и где я ещё встречал инвалидов без ног или рук. Это были второстепенные герои советских военных фильмов, которых показывали, как правило, мельком, и будто стесняясь заставляя зрителя смотреть на изувеченных людей. Сейчас я стал понимать, что это была позорная особенность советской идеологии: относиться к получившим такие травмы, как к людям второго сорта, отнимая у них право осознавать себя равными с другими, здоровыми людьми. «Инвалидов у нас нет!», – заявил один советский чиновник иностранным журналистам, оправдывая отсутствие оборудования для облегчения общения и передвижения людей в инвалидных колясках по Москве перед Олимпиадой. Советский человек должен быть совершенным! Таких совершенных людей показывали чуть ли не в каждом фильме. Интервью с ними показывали в «Новостях». О них пели песни и писали книги. Но в жизни мне нередко встречались и другие. С раннего детства запомнились случайные встречи с такими людьми на улицах города. Когда мы ходили на парад Победы, я видел близко-близко героев войны в парадных кителях с орденами и медалями. Среди них было немало инвалидов. Многие – на костылях, с аккуратно заправленными за пояс пустыми рукавами или подвернутыми штанинами – они шли нестройными рядами вместе с другими ветеранами, и мелодичный звон их медалей ещё долго слышался у меня в ушах. Другие, зачастую довольно молодые люди, встречавшиеся мне на центральных улицах города, бродили или сидели у стен зданий, выглядели как нищие, а возможно, и были таковыми, поскольку не могли заработать на жизнь, как здоровые люди, и вынуждены были просить милостыню на городских площадях и перекрёстках, чтобы не умереть с голоду. Я не мог спокойно смотреть на этих несчастных, людей со страшными деревяшками вместо ноги или табуреткой с колесиками вместо обеих ног. Меня прорбирали дрожь не только от их вида, но и от вида деланного равнодушия прохожих, демонстративно отворачивающихся или начинающих смотреть прямо перед собой при виде их. Я тоже делал так, боясь посмотреть им в глаза, и теперь мне стало очень стыдно за этот

нигилизм перед девушкой, которая мне так понравилась, и которая ни секунды не дала мне повода подумать о ней, как о неполноценном человеке. Я начал думать, смог бы я выдержать испытание, выпавшее на долю Маши. Не найдя ответа на этот вопрос, заснул беспокойным сном.

Утром я, неожиданно для себя, легко проснулся, с удовольствием умылся холодной водой (кранов с горячей в умывальниках лагеря предусмотрено не было) и сделал зарядку, тоже с удовольствием, наслаждаясь физической нагрузкой мышц. Утро было ярким, тихим и прохладным. Еле дождавшись конца завтрака, сорвался переодеваться на пляж. Я сказал маме, что пойду купаться сам. Но сестра, как обычно, пристала с расспросами: «Почему без нас?», да «Куда именно?», и «С кем?» Ей нужно было что-то ответить, чтобы отвязаться, потому что она не отстанет. Я подумал немного и сказал ей правду: «Я пойду с девушкой купаться!» В ответ, как и ожидал, я услышал саркастический хохот и традиционное «Ну-ну...» Я был почти уверен, что моей «шутки» ей будет достаточно, чтобы успокоить свои фантазии. Сама она с подругами любила гулять, ходить на пляж, и я – младший брат – ей в этих компаниях был иногда нужен для создания определенного имиджа взрослости. Мне было невыносимо скучно слушать их девчоночью болтовню об одежде, собачках и дневниках. В качестве развлечения, мне позволялось сыграть с этими «типа взрослыми» в карты «в дурака», причем дураком по сценарию, обязательно должен был быть я. Я быстро научился играть в эту и другие карточные игры и незаметно поддаваться, чтобы поскорее выйти из игры и заняться чем-нибудь более полезным.

Надев плавки, шорты, футболку я выскочил из корпуса, захватив сумку с полотенцем, маской и один рубль, прибереженный на всякий случай ещё из дома. Перебежал пыльное шоссе и завернул к торговым рядам, где у какой-то местной бабушки купил по пакету с крыжовником и ежевикой. У входа на пляж, в фонтанчике с питьевой водой я помыл все эти плоды и снова высыпал в один полиэтиленовый пакет. На сдачу купил в киоске бутылку лимонада. Пляж в это время был ещё наполовину пустым. Пионеры и прочие обитатели из лагеря должны были прийти через час. Я прошёл к самой кромке воды у волнореза и невольно залюбовался почти недвижимой чистой прозрачностью Чёрного моря. Тишина умиротворяла. Смущало только то, что я не увидел Машу на привычном месте. «Наверное, ещё рано, и они не приехали», – подумал я, любясь отражением мраморных скал на глади моря. Сняв сандалии, пошел по мелководью по направлению к этим скалам, разглядывая камушки под водой, в надежде найти что-нибудь интересное. Попадались стайки юрких рыбок, круглая медуза и водоросли. Я уже начал подыскивать место, где можно было бы расположиться, благо, выбор имелся, как вдруг услышал знакомый звонкий голос: «Юноша, можно понырять с Вашей маской?» Я повернул голову в сторону говорившей. Маша стояла почти рядом в расстёгнутой красной клетчатой рубашке поверх купальника, коротких джинсовых шортах, открывавших её стройные загорелые ноги, и белых кроссовках. Правой рукой она непринужденно опиралась на тонкую алюминиевую трость. На шее висел уже знакомый «Сапон» в чехле. Её открытая улыбка и прямой взгляд из-под густой челки каштановых волос, собранных сзади в длинный хвост, заставили меня замереть от восхищения. Я растерянно улыбался.

– Машка! Ты просто потрясающе выглядишь! – Наконец произнес я.

– Спасибо, ты – тоже! – Оценила она мои усилия по улучшению имиджа.

Я подошел к ней, вытащил из сумки пакет с ягодным салатом и протянул ей.

– Ой, спасибо! Я люблю ежевику!

Она достала горсть ягод, отобрала несколько блестящих крупных черных шариков и отправила себе в рот, протянув ладошку с оставшимися плодами мне. Я наклонился, взял её руку своей, и высыпал содержимое себе в рот, мельком заметив черные следы, оставшиеся на её нежных пальцах. Девушка на секунду замерла от удивления, а потом засмеялась, увидев мою, покрытую черными разводами, физиономию.

Она расчехлила фотоаппарат и сделала снимок смеющегося ежевичного меня на фоне синего спокойного моря (я потом, очень полюбил эту фотку).

– Как классно утром, правда? Тихо, прохладно. – Маша с наслаждением потянулась. – Я сегодня уже пробежала по тропинкам в парке километр. Воздух – прелесть, не то, что днём или вечером, когда, будто в печке стоишь. Пошли к нам. Мы нашли отличное место, пляж с мелкой галькой почти около скал.

Она показала вперед, где метрах в пятидесяти её родители, сидели на камнях и о чём-то оживленно беседовали. Пока мы медленно брели вдоль кромки воды, у меня созрел план, который я незамедлительно решил рассказать подружке.

– Давай поплывём вокруг скалы и посмотрим, что за ней...?

– Давай, а еще поныряем с твоей маской. Ты же не забыл её?

Я гордо показал маску, выудив из сумки вместе с трубкой (строго говоря, они продавались набором, но я сам с трубкой так и не привык плавать).

– Молодец!

Маша кокетливо положила тросточку на плечо и сделала несколько осторожных прыжков по крупным плоским камням пляжа, покачнувшись, но удержав равновесие.

– Здрóрово, Маш! – крикнул я и подбежал к ней, протягивая руку, чтобы поддержать. – Только прошу тебя, будь осторожна. Я боюсь, чтобы ты не повредила себе этими прыжками.

Мы пошли дальше, держась за руки, и я чувствовал её сильные пальцы в своей ладони.

– Доброе утро, молодые люди! – громкий голос Фёдора Тимофеевича слышался, наверное, по всему пляжу.

– Здравствуй, Владик! – приветствовала меня Анна Петровна, когда мы подошли к импровизированному лагерю.

– Здравствуйте! – ответил я уверенным громким голосом. – Сегодня отличный день!

– Да, действительно, замечательный! Владислав, Вы можете справиться вот с этим надутым матрасом? Располагайтесь рядом с Машенькой.

– Да конечно, Фёдор Тимофеевич!

Я с готовностью расстелил свернутый матрас и начал разбираться с клапанами, через которые его нужно надувать.

– А можно Вас попросить меня на «ты» называть? Я ещё не настолько взрослый для этой формы обращения.

– Хорошо, договорились! Это я по привычке всем своим студентам «Вы» говорю... – Машин папа, казалось, сам смутился от моего замечания.

Пока я дул в выданный матрас, девушка присела на свой и стала раздеваться. Я невольно залюбовался её стройным загорелым телом, когда она, сняв рубашку, гибко наклонилась, снимая кроссовки, мельком посмотрев на меня. Я смущенно отвел взгляд и стал раздеваться, аккуратно как мог, складывая вещи.

– Ну что, пошли навстречу новым приключениям? – Маша подала руку, и я помог ей встать на ноги. – Я дойду до воды сама, а ты отнесёшь мой протез обратно?

– Конечно, отнесу!

Мы подошли к самой скале, полого спускавшейся в воду, и девушка присела на краешек валуна, освобождая ногу от сапожка, а потом протянула его, внимательно глядя на меня. Я невозмутимо взял неожиданно лёгкий протез, покрутил его в руках и отнёс к бивуаку, рассмотрев по пути, как он устроен. Вернувшись, обнаружил Машу уже на мелководье, аккуратно пробирающуюся по камням на глубину. Ёжась от прохладной воды, я последовал за ней. Мне так до сих пор не удавалось ещё спокойно реагировать на резкие перепады температуры, когда захожу в воду. Подумал: «Нужно тренировать силу воли».

– А я не ожидала, что ты такой решительный! Все мои знакомые избегают даже смотреть на протез, и теряются, если я прошу мне помочь. Знаешь, как это неприятно? А ты не растерялся, молодец! – девушка с уважением посмотрела на меня.

– Наверное, раньше и я бы растерялся, пока тебя не встретил, – признался я. – Мне хочется тебе помогать и приятно делать что-то для тебя.

– Спасибо! Я постараюсь не очень загружать тебя своими капризами, но раз тебе приятно делать добрые дела, иногда позволю себе тебя о чём-нибудь попросить.

Мы, наконец, выбрались на глубину, и Маша, надев маску с трубкой, плавно поплыла, стараясь не нарушать тишину утра всплесками воды. Я тоже посмотрел вниз, и подводный мир заморозил меня своим разнообразием форм и красок. Белые прожилки мрамора были видны сквозь ветки ярко-зелёных водорослей, облепивших валуны, тут и там разбросанные на жёлтом песке. Я увидел ракушки и маленького краба, который деловито полз из-под воды, забираясь вверх на воздух. Стайка рыбок неуловимо быстро и слаженно промелькнула и скрылась в подводном лесу. Проплыв несколько метров от берега, я заметил, что дно стало значительно дальше от меня, зато зоны чистого песка расширились и так и манили погулять босыми ногами по нему. Там и тут были разбросаны раковины рапанов, а в одном месте я увидел длинную заросшую ракушками ржавую железную конструкцию. Вообразив, что это ограждение палубы затонувшего корабля, я уже хотел показать Маше свою находку, однако быстро сообразил, что на глубине меньше двух метров, никакой корабль не может затонуть, и это, скорее всего, строительная арматура. Оторвавшись от красот подводного мира, я оглянулся вокруг, но подругу не увидел. «Наверное, за скалу поплыла», – подумал я и поплыл туда, где по моим расчетам, она могла быть. Метров через двадцать пять я снова оглянулся и невольно залюбовался красивейшим видом на бухту, скрытую от нашего взгляда скалой. Скала оказалась узкой, поднимаясь из моря на плато, и напоминала штормку. Высокая отвесная стена, покрытая, местами обвалившимся, толстым слоем сланца, напоминающего штукатурку, оставляла неширокую полосу галечного пляжа около пятнадцати метров. По берегу сюда было практически не попасть. Это и объясняло отсутствие людей в этом уголке Земли. По кромке воды важно гуляли крупные белые чайки. Во мне проснулся инстинкт исследователя, и я покрутил головой, разыскивая взглядом девушку. Она вскоре появилась, бесшумно материализовавшись из глубины метрах в пяти от меня, как русалка. Оглянувшись, восторженно уставилась на берег, даже забыв снять маску.

– Вот это, да-а-а!

Похоже, у моей русалочки закончились слова. Зато загорелись огоньками зелёные глаза.

– Вот, что мы сейчас исследуем! Поплыли к этому необитаемому берегу?

– Наперегонки?

Мой инстинкт исследователя требовал выхода энергии.

– Раз – Два – Три! – Вперед! – скомандовала она.

Мы с шумом поплыли, причем я, вспоминая вчерашние уроки, старательно воспроизводил движения руками. Через два десятка метров заплыва я устал, и перевернулся на спину, заскользив к мелководью. Девушка продолжала плыть кролем, притягивая взгляд наблюдателя, роль которого я с благодарностью выполнял. Я «прибавил оборотов», и вскоре мы достигли берега.

– Как тут красиво и необычно! Я бы хотела здесь позагорать и побродить. А какие фотографии могли бы получиться! – она, казалось, хотела выпить глазами каждый уголок бухты.

– Да, а фотоаппарат сюда так просто не пронесёшь, намокнет, – заметил я. – Так что режим секретности гарантированно будет соблюден.

– Я читала в журнале, что японцы изобрели водонепроницаемый чехол для фотоаппарата, чтобы снимать под водой. Вот бы такой где-нибудь купить. Представляешь, какие виды

можно запечатлеть! Я пока плавала в твоей маске – столько красивых пейзажей под водой обнаружила. На память хочется что-то снять. Жаль, лодки нет, сюда приплыть.

– А давай тогда просто запомним всю эту красоту и приедем сюда в следующий раз с лодкой. Можно даже напрокат её взять.

– Ну почему мне не везёт? Следующий раз для меня будет только на следующий год. Я же сегодня уезжаю. – Протянула Маша притворно жалобным голосом.

– Зато, мы теперь можем сказать, что это нами открытая земля. «Бухта Морозовой» – хорошее название?

– Нет, назовем её лучше, Бухта Спокойствия, – Маша вопросительно взглянула на меня. – Ведь ещё нет на карте места с таким названием?

– Припоминаю, что на карте Южной Африки я что-то такое видел... – блеснул я своими географическими знаниями. – Но лучше дома уточним. А пока в качестве рабочего названия, думаю, подойдёт.

– Давай позагораем, пока солнце ещё не испекло все вокруг, – предложила моя мокрая русалка.

Мы выбрались на берег, и я обнял девушку за талию, помогая ей стоя удерживать равновесие. Выбрав участок, свободный от выброшенного штормом мусора, мы с наслаждением растянулись на мелких, отшлифованных прибоем камушках, и стали внимательно осматривать окрестности. Тишина была первобытной, не нарушаемой человеческими криками и гудением машин. Только мерный шум набегающих волн и крики чаек. На высоком обрывистом берегу росли сосны, причудливо изогнутые ветром, с корнями, частично свободными от каменистой почвы. Пейзаж был настолько необычен, что я даже не мог понять, как такой можно вообще себе представить. Подумал, как быстро моя знакомая уловила уникальность этого уголка природы и захотела его запечатлеть. Дальняя часть бухты тоже была ограничена скалой с прожилками мрамора. Скала далеко выдавалась в море и отвесно спускалась в воду, образуя стену, как у строящегося дома.

– Да, сюда вообще по суше никак не пробраться, – заметил я.

– Я подумала, знаешь, что? Вот, если бы, сюда с палаткой на лодке приплыть с продуктами и всем необходимым, то можно хорошо отдохнуть, и никто мешать не будет. Ну, как дикари.

Маша мечтательно улыбалась.

– Наверное, местные жители все-таки знают об этом месте, – сказал я, указывая на катер вдали.

– Может и так. Просто хочется представить, что ещё есть в мире неизведанные уголки...

Девушка перевернулась на живот, подставив уже начинающему припекать солнцу, загорелую спину, и болтая ногами. Она, прищурившись, всмотрелась в морскую даль, а потом помахала рукой кому-то. Я посмотрел в направлении её взгляда и увидел над водой голову Фёдора Тимофеевича. Он, увидев нас на берегу, махнул в ответ рукой, развернулся и скрылся за скалой.

– Мама, должно быть, забеспокоилась и послала папу проверить, живы ли мы. – Маша сказала это будничным тоном, как будто читала инструкцию к чайнику. – Владик, а тебе хочется стать поскорее взрослым и самостоятельным?

– Да, хочется, – ответил я, подумав о невероятном совпадении моих ночных размышлений с этим вопросом. – И мне кажется, что это с нами сейчас происходит. Не сразу, но мы становимся взрослыми и сами начинаем строить свою жизнь. Я начинаю многое понимать, в чём раньше не разбирался. Я понимаю, что ещё многому должен научиться, чтобы самому принимать решения и отвечать за них, управляя своей жизнью.

Сам себе удивился, как я мог так свободно делиться своими сокровенными мыслями, не стесняясь чьей-то критики.

– Что-то должно произойти в размеренной безопасной жизни подростка, чтобы он понял, что так больше уже не будет, – продолжал я. – Так и у меня вчера произошел такой перелом. Я встретил тебя, Маша, и захотел дружить, общаться с тобой. Я понял, что для этого надо взрослому воспринимать жизненные ситуации, нельзя прятаться за чужие мысли и решения, даже если они исходят от близких людей. А ты?

– Для меня перелом, о котором ты говоришь, произошел полтора года назад. Когда мне ещё комфортно было быть маленькой девочкой, не испытывать никаких неудобств и нужды, вдруг пришла беда! А может и вправду, Бог послал мне такое испытание болью и отчаянием, из которого мне пришлось выбираться, только осознав по-взрослому весь объём тех проблем, с которыми мне теперь предстояло столкнуться. Я должна была оценить свои силы, собрать всё свое терпение, выдержку, чтобы подготовиться к их решению. И на раздумья у меня совсем не было времени, даже чтобы попрощаться с этим самым моим уютным и беззаботным детством. Нужно было снова учиться передвигаться, обслуживать себя, стать сильной и на равных вернуться в общество людей, сверстников, родных, друзей, откуда я была вырвана так жестоко. Спасибо моей маме за то, что она не запаниковала, а трезво оценила последствия того, что произошло, и постаралась меня подготовить к тяжёлым испытаниям, избежав пустых утешений и обещаний типа, что всё будет хорошо, само собой. Она не позволяла мне жалеть себя, с первого дня рассказывая в подробностях, какая жизнь меня ждёт. Мама через связи в её больнице, организовала мне поездку в медицинский центр в Израиле для реабилитации детей с ампутациями. Я и английский начала усиленно изучать в больнице, чтобы поехать. Пока была в клинике в Тель-Авиве, я увидела много изувеченных детей рядом с собой. И то, с каким желанием они занимались лечебной физкультурой, тренировались пользоваться протезами, и как активно старались играть и общаться друг с другом, делясь своими мыслями и проблемами, скрывая свою боль и подбадривая тех, кто слабее, показывает, как сильно они хотят вернуться к нормальной активной жизни. Я старалась с ними больше общаться, несмотря на неглубокое знание языка. Самое главное – я научилась не бояться воспринимать себя такой, какой я стала. Приходилось преодолевать постоянную боль, чтобы снова научиться двигаться и жить как все люди. До сих пор переписываюсь с друзьями из Ирландии, Сомали, Италии и Израиля, и благодарна им за поддержку и навыки, которыми они бескорыстно со мной делились.

Маша в запале смотрела мне в глаза, и я еле выдержал её взгляд, полный волнения и решительности.

– Ты, Машенька, очень сильная девушка! Я каждый раз, общаясь с тобой, понимаю, что не достоин тебя, потому что не знаю ещё жизни так, как знаешь её ты. И, в то же время, я так хочу быть с тобой рядом и помогать тебе...

У меня не было слов продолжать. Вернее, они были, но все казались мне такими глупыми и наивными, что стыдно было их говорить.

– Тогда, пожалуй, мы с тобой можем поладить, Владислав. – Сказала Маша спокойно. – Только обещай мне, если почувствуешь, что не хочешь со мной больше дружить, просто скажи мне об этом честно, не обманывая меня.

– Как же я могу обмануть человека, которого уважаю? – недоумевал я.

Девушка долго и пристально посмотрела на меня, а потом улыбнулась тёплой ласковой улыбкой.

– Нет, ты определённо отличаешься от всех мальчишек, которых я встречала раньше и считала своими друзьями. Они избегали говорить со мной откровенно, а ты не боишься.

Я смутился и снова почувствовал, что краснею. Чтобы сменить тему, я предложил девушке прогуляться и осмотреть бухту. Мы уже достаточно полежали на солнце, и нужно было размяться. Я подумал, что ей неудобно будет прыгать по камням на одной ноге, и предложил понести её на спине. Правда сам еще не был уверен, что у меня получится. Маша была со мной почти одного роста, а первый опыт вчера взять её на руки окончился неудачей, хорошо

ещё, что мы оба упали в воду. Решили попробовать, и она осторожно залезла мне на спину, крепко обхватив бока ногами и обняв меня за шею. Я медленно встал на ноги, стараясь не потерять равновесие. В школе на физкультуре мы несколько раз переносили друг друга вот так, «на закорках», так что я вспомнил эти уроки и пошёл, придерживая девушку осторожно, боясь причинить боль раненой ноге. Она, похоже, осталась довольна удачным опытом этого способа передвижения и внимательно оглядывала всё вокруг. Я чувствовал энергию её упругого тела, страсть к движению и познанию. Так мы не спеша прошли с ней по всему пляжу бухты, останавливаясь, чтобы передохнуть и рассмотреть то особенно красивую прожилку мрамора, то непонятное ржавое изделие, или выбеленный солнцем обломок шляпки, штормом заброшенный в этот затерянный уголок. Чайки держались на почтительном расстоянии, уважая наше желание уединиться. Когда мы подошли к идеально круглому тёмному валуну у самой воды, Маша слезла с меня и села отдохнуть.

– Мне так хорошо здесь! Жаль, что нужно уезжать и... что я познакомилась с тобой так поздно.

– Мне тоже очень хотелось бы отдохнуть здесь с тобой подольше, Маш!

Я постарался придать своему голосу уверенность и спокойствие. Но было непросто преодолеть волнение, в результате которого голос дрожал.

Маша провела рукой по моей голове, пытаясь пригладить растрёпанные, ещё влажные волосы. Я взял её ладонь в свои руки и посмотрел ей в глаза. Они излучали одновременно и грусть, и надежду. Мне стало жарко. Я поцеловал руку девушки впервые в своей жизни, и она не отдернула её, а, улыбнувшись тёплой улыбкой, наклонилась и поцеловала меня в щеку мягкими губами.

– Я раньше не понимала, что такое опереться на плечо друга. А ты мне его сегодня предоставил. Я тебе очень благодарна, Влад! Мне спокойно и легко с тобой. Я буду ждать нашей новой встречи. И буду скучать по тебе.

– Я тоже, – мой голос предательски задрожал, – тоже буду ждать нашей следующей встречи, Машенька! Мы не расстанемся надолго, и это ожидание скрасит мне эти несколько дней, которые остались от срока пребывания здесь. Я позвоню тебе, как только приеду в Ростов. Жди меня, хорошо?

– Хорошо! У меня просьба: давай не будем прощаться при родителях.

– Конечно, ведь мы сейчас прощаемся ненадолго, – подбодрил я Машу и обнял её, на секунду прижав к себе. – Я буду помнить этот день.

– Спасибо тебе!

Она отстранилась, шутливо погрозив мне пальцем, распустила и собрала снова длинные влажные волосы в хвост, поднялась, придерживавшись за меня, и мы вместе снова окунулись в воду ласкового моря.

Мы плавали еще минут двадцать, медленно приближаясь к пляжу, где оставили Машиных родителей. Девушка, нырнув, нашла на дне несколько больших красивых ракушек-«рапанов» и показала мне.

– Я маме и Мишке подарю. Знаешь, он на пятерку вчера экзамен сдал, и теперь будет учиться в Москве, в Высшем Техническом Училище имени Баумана.

– Я рад за него и за вашу семью, такую дружную и тёплую, – сказал я. – Передавай Мишке привет, если захочешь про меня рассказать.

– А я уже рассказала по телефону, что познакомилась с тобой. Он сказал, что хотел бы увидеться с тобой лично, когда приедет. Кстати, он приезжает послезавтра вечером поездом, так что мы успеем его встретить. Папа планирует сегодня до вечера домой доехать.

– Классно! – Я мечтательно вздохнул, подумав, как это здорово должно быть, ехать на машине долго-долго и приехать домой. Гораздо интереснее, чем в скучном жарком поезде трястись.

Мы выбрались на берег, и я, снова взяв Машу на руки, пронёс её несколько шагов до бивуака, под неотрывные взгляды Машиных родителей и других отдыхающих, количество которых на пляже заметно прибавилось. Фёдор Тимофеевич, наконец, опомнился, вскочил, чтобы взять у меня из рук свою дочь, но Маша уже спустилась на землю возле своего матраса и села на него, вытираясь полотенцем и пряча в нём смеющееся лицо. Папа Маши растерянно остановился, а потом с минуту тряс мне руку.

– Ну, молодой человек, я не ожидал от Вас такой галантности! Я теперь с большей уверенностью смогу доверить дочь в Ваши сильные руки. – В голосе Фёдора Тимофеевича все еще чувствовалось волнение – Наша девушка иногда любит, чтобы её носили на руках.

– Владислав, тяжело же! Тебе ещё рано поднимать такую тяжесть, можешь надорваться, – суежилась мама.

– Анна Петровна, не беспокойтесь. Я и раньше тренировался носить одноклассников на физкультуре и во время «Зарницы», так что Маше ничего не угрожало. – Похвастался я, немного смутившись от повышенного внимания и подавляя желание отдышаться.

Вытершись полотенцем, я сел на свой матрас, достал из сумки кулёк с оставшимися ягодами и предложил Маше и её родителям.

– Спасибо, у нас тоже есть закуска. – Машина мама снова засуежилась, выудила из объёмистой сумки разнообразные съестные припасы и быстро сервировала половину моего матраса, причем объём и разнообразие предполагаемого второго завтрака мне показались излишними. – Давайте перекусим. Вас с Машенькой не было почти два часа. Вы, должно быть, проголодались?

– Ну да, мам, и конечно папа, по пути в Сочи просто мимо проплывал после пятнадцати минут нашего отсутствия, – Маша весело взглянула на мать.

Анна Петровна не обратила внимания на колкость дочери. На импровизированном столе появился большой двухлитровый термос с чаем и стопка стаканчиков.

– Давай, Федя, присоединяйся к нашему столу.

Я подумал, что чай оказался сейчас весьма кстати, и приступил к поеданию бутербродов, помидоров с огурцами и ломтями свежего деревенского каравая. Машин аппетит, похоже, нисколько не пострадал после нашего путешествия. Она кушала аккуратно, отправляя в рот небольшие кусочки овощей и хлеба с кружочками колбасы. Я смаковал горячий напиток, наслаждаясь природой и обществом.

– Завтрак на свежем воздухе – лучшее удовольствие, – продолжил разговор папа, – Мы и дома часто организуем семейный завтрак или ужин на веранде. Что может быть лучше, чем быть ближе к природе?

Я рассказал о своих детских прогулках по Ростову с термосом чая и бабушкой, потом поведал о путешествии к иностранным бабушкам в абхазский поселок Гудауты, где мне тоже очень понравились ужины с национальной кухней на веранде.

– Так, ты тоже путешественник? – в голосе Фёдора Тимофеевича слышалось одобрение – Неужто, в нашем полку прибыло?

– Да, я тоже полюбил путешествия благодаря моим родителям.

– А, кто твои родители? – поинтересовалась мама.

– Моя мама – в школе работает, а папа – инженер. Ещё есть бабушка и старшая сестра.

– У Маши тоже старший брат есть. Мы всегда вместе ездили, – продолжил свой рассказ, папа, видимо оседлав своего любимого конька.

– Да, на машине, должно быть, очень увлекательно путешествовать, всей семьей можно поехать куда угодно, – поддержал я тему. – Я всегда мечтал, когда вырасту, куплю свою машину и буду возить мою семью и друзей по разным городам и местам.

– А кем ты хотел бы стать, когда вырастешь? – решила сменить тему мама.

– Я еще не решил для себя, кем буду. Хотел бы выучиться в институте и стать инженером, как папа или журналистом. Очень люблю читать про другие страны, о том, как там люди живут, смотреть телепередачи, политические обозрения вроде «Международной панорамы». И люблю автомобили. Собираю любую информацию о них, читаю «Технику Молодёжи», «Науку и Жизнь», выписываю журнал «Автомобильная промышленность США».

Я готов был говорить на эту тему и дальше, но почувствовал, что интерес у задавшего вопрос к середине ответа иссяк. Наш разговор продолжался неспешно, напоминая семейные беседы за ужином, и мне было спокойно и комфортно разговаривать с людьми, которых ещё вчера практически не знал. Маша тоже включилась в беседу, поделившись своими домашними увлечениями скорее для моего сведения, чем для родителей. Оказалось, что она любит спортивные игры: теннис, бадминтон, волейбол, и даже бильярд, который я, вообще то, к спортивным играм не относил. И сейчас понемногу тренируется с родителями и братом снова играть в них. Мне было приятно это услышать, потому что, именно в эти игры я мог более или менее сносно играть, чтобы предложить ей своё участие в качестве партнера. Об этом я решил рассказать моей подруге, когда будет более подходящий случай.

Незаметно прошли еще полтора часа, и Машины родители начали собирать вещи. Сама девушка уже оделась и расчёсывала волосы. Я понял, что наступила пора прощаться. Я помог спустить воздух из матрасов и погрузить их в большую сумку. Мы все встали и, нагрузившись сумками и рюкзаком, двинулись по пляжу к стоянке. Я держал Машу за руку, а в другой руке нёс сумку с матрасами. Девушка шла уверенно, почти грациозно, лишь немного прихрамывая, а я не мог оторвать взгляд, откровенно любуясь и рискуя её смутить.

– Этот день – для меня, пожалуй, лучший за последние несколько лет! – услышал я её голос.

Взгляд Маши был устремлен в морскую даль, на губах играла лёгкая улыбка.

– Для меня тоже, – отозвался я. – Мне сложно объяснять свои чувства, но я точно знаю, что многие из них я сегодня испытал впервые в жизни. А такие вещи не забываются.

– Давай запомним эту дату – 23 августа?

– Давай, – ответил я и незаметно показал девушке монетку, улыбнувшись в ответ на её открытую улыбку.

Маша тоже достала из кармана шортов монетку и, незаметно от родителей, продемонстрировала мне таким грациозным жестом, что я многое бы отдал, чтобы она ещё раз повторила его.

Подойдя к «Волге», мы погрузили все вещи в большой багажник, и папа сел за руль, запуская мотор.

– До свидания, Влад! – Анна Петровна кивнула мне. – Наше знакомство оказалось интересным, и я с радостью надеюсь видеть тебя в нашем доме.

– До свидания, Владислав! – Фёдор Тимофеевич, вышел из урчащей на холостых оборотах машины, и, обойдя её, крепко пожал мне руку. – Мы и наш дом открыты для тебя. Машенька сообщила тебе наш телефон?

– Да, спасибо большое! Я тоже очень рад знакомству! Счастливого вам пути! Вы – очень хорошая семья!

Когда родители сели в машину, я повернулся к Маше, всё ещё улыбаясь.

– Ну что, пока?

– Пока, Владик! Береги себя! Я буду ждать нашей встречи, и скучать буду.

Она опустила глаза. Я порывисто обнял девушку, на секунду вдохнув её аромат и почувствовав, как поддалось порыву гибкое стройное тело. Она отпихнула меня рукой и погрозила пальцем, скорчив шутливо строгую гримасу.

– Ну, мы же договорились!

– Извини, не сдержался, – стусевался я. – Просто не мог тебя не обнять.

– Хорошо! Мы это потом обсудим. До свидания!

– До свидания, Маша! – я помог подруге занять заднее сиденье в машине и захлопнул дверцу.

«Волга» тронулась и, развернувшись, быстро скрылась за поворотом шоссе. Я стоял и смотрел ей вслед, ничего не слыша вокруг.

Очнулся я, осознав, что со мной разговаривают.

– Наконец – то! Мог бы и рассказать, что это за малолетка, которую ты в машину усаживал. – Сестра как всегда, не выбирала выражений, когда формулировала свою мысль.

– Я же сказал тебе, что иду купаться с девушкой! – Невольно завёлся я с пол-оборота, среагировав на выпад.

– Да не может быть у тебя девушки! – Новый тезис сестры звучал как всегда, категорично. – Ты ещё маленький.

– Конечно, послушав тебя, понимаешь, что в мире существует одна взрослая женщина. Это ты сама. И мнения других людей, отличающиеся от твоего собственного – неправильные. Когда станет по-другому, скажешь. Может, тогда и расскажу, как зовут мою знакомую.

Ответной фразы я не дождался. У сестры выключился звук. Желание узнать и желание поддеть меня боролись в ней, и следы этой борьбы явственно отражались на её лице.

– Ладно! Потом поговорим... – ответила она, наконец, развернулась и пошла на пляж.

Я подумал: «Интересно, она только сцену нашего прощания видела, или...? Хотя, какая уже теперь разница?» Мне захотелось уединиться, и я побрел в лагерь, в надежде найти какую-нибудь скамейку в тени. В кармане я вертел в пальцах монетку, так неожиданно ставшую для меня драгоценной. Думать не хотелось. Лишь в глубине сознания вертелась смутная мысль, что план на сегодня успешно выполнен. И от этого я чувствовал удовлетворение.

Вечером начался дождь, который скоро превратился в тропический ливень с грозой. Ветер нагибал деревья, бросая потоки воды в стекла комнаты. Я любил такую погоду, вдыхать наполненный озоном и электричеством воздух и думать, мечтать, наблюдая за буйством стихии. В такие минуты я хотел быть один на один с ней. Это как очищение. Мне сейчас это было особенно необходимо.

Домой. Дом чудес и неожиданностей.

Оставалось пять дней до отъезда домой. Я послушно соблюдал режим дня, делал зарядку, купался, читал книги, а вечером смотрел кино с отрядом в летнем кинотеатре. Я усиленно тренировал мускулы, подтягивался на перекладине, отжимался от пола, поднимал тяжелые камни на пляже. Мой организм запомнил вес Маши, и теперь, казалось, подстраивал свои возможности, чтобы носить её на руках в дальнейшем. И мне нравилось, как мышцы рук и ног приятно побаливают после тренировки и понемногу увеличиваются в объеме, не помещаясь в рукава старых рубашек. За эти дни у нас был один пеший поход к водопадам и прощальный костер вечером перед закрытием лагеря. В лесу во время похода я нашёл ржавую стреляную гильзу от винтовки, которой на вид, было не меньше пятидесяти лет. А ещё, набрался храбрости и стал на секундошку под ледяную воду водопада. Несмотря на стоявшую жару, я продрог моментально и нисколько не укрепил свою силу воли, как планировал, чтобы научиться без содрогания входить в море. Прощальный вечер в лагере, костёр и дискотека с играми оказались очень шумным мероприятием. Всем разрешалось не спать после полуночи, играть в активные игры и плясать на площадке под звуки живого оркестра с барабанами и блестящими начищенной медью трубами. Ведущий тоже был, но музыка и песни были строго идеологически подобраны, и ничего более ритмичного, чем ВИА «Самоцветы» и группы «Криденс» не звучало. Мне была необходима смена обстановки. Я хотел домой. И у меня теперь была весомая причина вернуться в родной город. Возможно, эта «причина» тоже ждала встречи со мной, хотя я и не был на сто процентов уверен в этом. Единственный способ проверить – это добраться до телефона. Для междугородной связи у меня не было ни карманных денег, ни возможности нормальный телефон найти. В лагере почти все аппараты в корпусах были настроены только, чтобы звонить пожарным или в скорую помощь.

В день отъезда мы встали рано утром, сходили на завтрак и столпились возле маленьких, пропахших бензином автобусов «Кубань», чтобы ехать на вокзал в Новороссийск. Часовая поездка в переполненном автобусике по серпантину и панорама Цемесской бухты с танкерами и военными кораблями на рейде меня очень впечатлили. Но что-то не состыковалось у перевозчиков детей, и мы часа четыре ждали на вокзале, пока прицепят к составу специальные вагоны до Ростова. Надо сказать, что здесь скопилось много ребят и из других лагерей. Все загорелые, шумные, веселые, с трудом удерживаемые воспитателями в пределах территории привокзальной площади. Бабушки с семечками, мороженым и лимонадом, наверное, месячный план продаж выполнили за эти несколько часов. Я предложил маме и сестре погулять по городу, но мое предложение было мотивированно отвергнуто, а сестра нарисовала картинку того, как мы с чемоданами бежим по шпалам за удаляющимся поездом под звуки популярной песенки Валентины Толкуновой.

Наконец, разрешили занимать места в вагоне, нагретом на солнце как духовка. Запас лимонада катастрофически таял, а очередь к туалету росла, и все напряжённо ждали, пока поезд тронется и покинет пределы санитарной зоны города.

Восемь часов поездки прошли незаметно. И вечером мы уже переезжали по металлическому разводному мосту через реку Дон. Стук колес гулко передавался конструкции моста, оглушительно грохотавшего через открытые окна душных вагонов. Папа встречал нас на перроне, и, лавируя с чемоданами в толпе приехавших и встречавших, повел нас к машине такси, уже стоявшей поодаль от остальной вереницы «Волг» с шашечками. Втиснувшись в почему-то «Москвич» (частник), мы минут через двадцать уже выгружались у нашего дома, который всегда казался мне таким уютным и родным. Было уже половина десятого вечера, и это серьезно сдерживало моё желание схватить телефонную трубку и набрать знакомый номер, который я на всякий случай выучил наизусть. Подумав, решил не напрягать ситуацию, ушёл в свою

комнату разбирать вещи, большую часть которых составляла одежда, требующая генеральной стирки. Я разложил привезенные морские камушки, ракушки, стекляшки, гильзу в свой ящик, а драгоценную монетку – в свой кошелёк. Наконец, добрался до кровати и проспал часов шестнадцать, до середины следующего дня.

Солнечный свет разбудил меня. Вспомнив, что ещё два дня осталось до начала школьных будней, я решил провести свободное время с максимальной пользой, позанимался с гантелями до лёгкой усталости и только потом, вышел завтракать. Дома была только бабушка, которой пришлось в двух словах рассказать за завтраком обо всех интересных случаях, произошедших на море. Два слова растянулись на полчаса. Наконец, завтрак закончился, и я сказал, что пойду гулять в город. Уединившись в комнате и затаив дыхание, набрал заученный номер. По растущему количеству длинных гудков я догадался, что дома никого нет. Разочаровано положил телефонную трубку и, взяв первый попавшийся том Большой Советской Энциклопедии, начал его рассеянно листать. Мне вдруг стало необъяснимо одиноко. Намеченная мной за последние несколько дней цель отодвинулась, но высвободившееся неожиданно время я не мог спланировать, хотя и нужно было сходить в школу, получить учебники и уточнить время сбора перед 1 сентября. Просто сидел и думал о Маше, чем она занимается сейчас, как готовится к школе, как общается с братом и своими друзьями. В том, что у неё есть друзья, я не сомневался, но хотел понять, обрадуется ли она мне, или я окажусь скучным и не оправдаю её ожиданий. Другими словами, я медленно робел, а телефон становился для меня неприятным и пугающим, почти как ледяная вода водопада. Вытащив монетку, покрутил в пальцах, внимательно рассматривая старинную чеканку, и вдруг подумал, что Маше скорее понравилась бы моя решительность, чем стеснительность, которую я лицемерно называл тактичностью. «Пора бы от стеснительности тоже избавляться» – пришла в голову мысль, и я, набрав в карман двухкопеечных монет для телефона-автомата, выскочил на улицу, с наслаждением вдыхая свежий воздух родного города, и побежал на остановку трамвая. В центре пересел в «гофрированный», как будто собранный из металлического шифера, трамвай пятого маршрута с огромными сдвижными дверями, который шёл в Рабочий городок. Почему-то, на этом маршруте ходили старые советские трамваи, хотя на всех остальных уже работали современные чешские вагоны. Выйдя на конечной остановке, я растерянно оглядывался, рассматривая незнакомые переулки, застроенные частными домами. Думал, что исходил свой город вдоль и поперёк, но сейчас передо мной был район, куда не ступала моя нога. Я прошёл квартала три, прежде чем нашёл телефонную будку с разбитыми стёклами, в которой не была с корнем вырвана трубка. Приложив её к уху, не услышал гудка, только треск помех. Побрёл дальше по улице, вчитываясь в фамилии жильцов на табличках домов. На перекрёстках переулков я останавливался, вращая головой в слабой надежде увидеть белый «универсал». Пройдя пару остановок, увидел у почерневшего от времени четырехэтажного здания ещё один телефон-автомат. Вид его не обнадеживал. Похоже, что у кого-то очень злого была большая обида на него. Я осторожно взял висевшую на проводе трубку и приложил к уху. Постучав по скобе, с ликованием услышал непрерывный гудок, выудил двухкопеечную монетку и, засунув в монетоприёмник, набрал номер. Машин голос звонко прозвучал после второго гудка.

– Аллю?

– Машенька, это ты? Здравствуй! – я почти кричал, боясь, что она не услышит, если в этой пострадавшей трубке не работает микрофон.

– Владька! Привет! Ты где? – её радостный голос окончательно рассеял все мои сомнения.

Я растерялся, потому что не знал, как ответить на простой вопрос девушки. Приглядевись, неуверенно прочитал в трубку название улицы с ближайшей видимой мне таблички.

– А как ты попал туда? Это ведь далеко... – в голосе Маши слышалась тревога.

– На трамвае приехал. Я звонил, но никто не брал трубку.

– Мы минут двадцать назад зашли. Папа возил меня в бассейн. Я часто хожу туда. Слушай, у тебя есть сейчас время? Приезжай к нам домой.

– Я к тебе сегодня и ехал. Можешь объяснить, как отсюда добраться до вас?

– Конечно. Сейчас возвращайся к трамваю и садись в сторону Вокзала. Доедешь до Проспекта, иди в сторону обувной фабрики...

Я, наконец, понял, куда именно нужно прийти, о чём и сообщил подруге. Следующие двадцать минут я потратил, пройдя пешком в нужное место, полагая, что зря потрачу кучу времени в ожидании трамвая. Свернул на указанную улицу, нашёл нужный номер дома и подумал, что ошибся в своих выводах. Пройдя немного дальше к продуктовому магазину, я зашёл в аккуратную телефонную будку и снова позвонил девушке.

– Знаешь, Маш, тут дом под этим номером такой большой с каменным забором и железными воротами с коваными узорами на них. Ты мне правильно улицу назвала?

– Конечно, ты правильно наш дом нашёл. Давай, заходи, я уже выхожу.

Я бросил трубку и подбежал к окованной железными полосами, добротной деревянной калитке. Над прорезью для почты красовался искусно выкованный рог на цепочке – старинный символ почтовой службы. Я нажал кнопку звонка, и почти сразу же дверь открылась, а передо мной вспыхнули озорные огоньки в знакомых зеленых глазах улыбающейся Маши. Она звонко чмокнула меня в щёку, и я в ответ сделал то же самое, обняв её. Девушка была одета в мягкий, спортивного стиля, комбинезон цвета стали и мягкие замшевые полусапожки с прорезьями, по существу бывшие босоножками. От нее веяло свежестью и неуловимым ароматом каких-то духов. Влажные волосы спадали на плечи из-под капюшона.

– Машенька, объясни, пожалуйста, почему каждый раз, когда я тебя вижу, поражаюсь твоей красоте и элегантности?

– Спасибо, Владик, я буду считать это комплиментом! – рассмеялась девушка. – Пошли в дом, попьём чаю, а потом я тебе всё покажу. Так здорово, что ты пришёл!

– Веди меня, фея! Я пришел к тебе во дворец, и мне здесь нравится! – шутливо продемонстрировал я, и мы пошли, держась за руки. Девушка опиралась правой рукой на тросточку, и я помог ей подняться по лестнице, сложенной из белого камня, ведущей на веранду перед парадным входом просторного двухэтажного дома из красного кирпича с мансардой под высокой черепичной крышей. Вдоль перил лестницы и стен веранды были прикреплены никелированные трубы-поручни, придающие модернистский стиль архитектуре дома. Задняя часть его утопала в зелени фруктовых деревьев старого сада.

– Мама сейчас на работе, папа поехал в свой институт, а Мишка к друзьям пошёл. Так что я постараюсь сама быть гостеприимной хозяйкой! – объявила Маша своим звонким голосом. – Заходи, не бойся, Джек не кусает гостей.

Хорошо, что она это сказала, потому что, войдя в дом, я наткнулся на огромного чёрного ньюфаундленда, который тихо ждал за дверью, пока я весь войду, и стал с интересом обнюхивать меня, не показывая впрочем, признаков агрессии. Я оценил мощь этого млекопитающего и с опаской обошёл его. Девушка, заметив мою неуверенность, взяла своего домашнего любимца за ошейник и отвела в комнату на первом этаже, закрыв за ним дверь. Мы прошли в просторное светлое помещение кухни, посреди которой стоял большой резной дубовый стол с шестью стульями, и подруга засуетилась, готовя чай.

– Можешь помыть руки. Ванная направо. – Она показала рукой в сторону большого круглого зала, пол которого был выложен светлой коричневатой-зелёной плиткой с узорами, как в наборном паркете. На стенах, покрашенных светлой краской по периметру всего зала были развешены чёрно-белые и цветные фотографии в рамках разных размеров. Над ними располагались люминесцентные светильники, выделявшие светом отдельные работы, что в целом создавало впечатление выставки профессиональных фотографов. В самой светлой части зала, напротив широкого, на всю высоту стены окна, стоял большой, обитый зеленоватой кожей

диван, обращённый к стене с настоящим камином. Огромный цветной телевизор «Panasonic» громоздился на тумбочке. Перед диваном стоял журнальный стол, который, как я заметил, мог трансформироваться в обеденный. Вдоль стен и перил лестницы сверкали художественно изогнутые, отполированные латунные трубы, служащие должно быть, дополнительными поручнями для Маши, которая в этом доме училась заново ходить. Свет в зал первого этажа проникал не только через окна, но и через прозрачный фонарь в крыше, который был виден в просвет спиральной лестницы, ведущей на второй этаж и в мансарду. В просторной ванной комнате все стены и пол были выложены красивой плиткой голубовато-серого оттенка, а вместо ванны в полу оказался небольшой бассейн, также облицованный светло-салатной плиткой, в который вела никелированная лесенка. Блестящие поручни были вделаны в стены и сами просились в руки в любой точке помещения. Вымыв руки, я осмотрелся, заметив в холле слева от лестницы дверь с матовым стеклом, открыв которую, увидел просторный светлый спортивный зал. На деревянном лакированном полу стояли настоящие тяжелоатлетические тренажёры, беговая дорожка, брусья, шведская стенка и теннисный стол. К потолку подвешены гимнастические кольца, а к стене прикреплен баскетбольный щит с кольцом. Хорошенько рассмотреть всё это спортивное богатство помешал голос Маши, приглашающий меня за стол. Я аккуратно закрыл дверь и вернулся в кухню. На столе красовался большой дымящийся фарфоровый чайник. Затейливой формы чашки из сервиза были наполнены ароматным чаем. Несколько вазочек с печеньем, конфетами и пирожными дополняли сервировку стола. Девушка сняла красный фартук и стояла, ожидая меня и улыбаясь.

– Вот это чудеса! Как быстро ты успела всё это приготовить? – поразился я.

– Садись, давай, восторженный принц! Разговорами сыт не будешь.

Мы с удовольствием пили чай с пирожными и конфетами. Маша рассказывала, как они доехали с моря, как ездили встречать Мишку, как она слушала его рассказы о Москве и институте. Я рассказал ей о нескольких днях в лагере, походе к водопаду, пионерском костре и поездке на поезде домой.

– Какой красивый у вас дом! Я никогда ещё не был в таком. Всё так классно продумано! – продолжал я восхищаться.

– Да, это папа с бабушкой и Мишкой всё придумали и построили. На нашем участке стоял старый дедушкин дом, добротный, бревенчатый. Новый они начали строить лет шесть назад. А все мы жили в маленьком деревянном. Я до сих пор помню запах сосновых бревен. Дедушка Тима очень хотел дожить до завершения строительства. Ему посчастливилось пожить в новом доме почти два года.

В глазах Маши была грусть.

– А эти фотки в холле...? – решил сменить тему, чтобы помочь подруге уйти от невесёлых воспоминаний.

– Это мы с папой привозим из путешествий, – оживилась девушка, как ни в чём не бывало, продолжив рассказ. – Среди них есть ещё фотографии из зарубежных командировок. Папа у нас – профессор в университете, часто ездит на конференции учёных, пишет научные труды и преподаёт студентам психологию. Обычно, в командировках у него остаётся немного времени для поездок на природу и по городам мира. Он так интересно рассказывает нам о тех местах, где побывал. Мы часто вечером собираемся вместе на том зелёном диване в зале, зажигаем камин, если холодно, и слушаем его рассказы, рассматриваем фотографии и сувениры. У нас в семье традиция: каждый может написать рассказ в книгу о путешествии после каждой поездки, в которой побывал. А потом мы издаем свои книги, перепечатывая рукописи на машинке и, добавляя фотографии, сшиваем их в настоящие переплёты. Здесь есть библиотека, где наши книги хранятся как семейный архив. Мы их даём друзьям почитать.

– Я тоже хочу почитать ваши книги! – загорелся я, не скрывая своего удивления и восторга от простой, но очень интересной идеи этой неординарной семьи моих новых знакомых.

– Конечно, Влад, я обязательно покажу тебе их, и ты сможешь взять почитать. Я буду очень рада, если тебе понравится.

В глазах Маши светился восторг. Она снова излучала неудержимую энергию.

– Спасибо, гостеприимная хозяйка. Всё было очень вкусно и просто великолепно, – сказал я, вылезая из-за стола. – Теперь я помогу тебе помыть посуду, а ты сиди и командуй, куда всё ставить.

– Оставь, Владик, я уберу позже.

– Нет, я так не могу, Машенька, разреши тебе помочь, – вступил я в шуточный спор. – А то, потом спать плохо буду.

Маша, приподнявшись было и, опираясь на стол, снова села. Закинув повреждённую ногу на ногу, она с наслаждением вытянулась на стуле, убрав волосы за плечи.

– Ну ладно, только ради твоего спокойного сна один раз можно, – сдалась она, сверкнув озорной улыбкой.

Под руководством моей подруги я быстро справился с заданием. Моё внимание привлек большой двухдверчатый холодильник «Rosenlew». Ростом он был повыше меня. За одной из створок располагалась многоуровневая морозильная камера, а за второй – в несколько ярусов полки с продуктами.

– Уважаю красивую и качественную технику. Я такой только в иностранном журнале видел, – сообщил я Маше, нехотя закрывая створку.

– Это чудо папа заказывал в Германии. Его контейнером привезли весной. Очень удобная вещь! Красивый, как ты верно заметил.

Девушка встала, опёршись на стол кулачками.

– Ну, что, готов к новым открытиям?

Она горела желанием мне всё показать.

– Конечно, Маш!

Она вышла из кухни по направлению к лестнице, тяжело опираясь на трость, и я заметил, что хромает она сильнее, чем обычно. Я приобнял её за талию.

– Что, нога болит?

– Да, у меня бывает сильная боль. Знаешь, похоже, как будто пальцы на ноге судорогой сводит? Только их – то, нет. Врачи называют такие боли фантомными. Это пройдёт постепенно, года через два – три. А пока лекарства глотаю.

Маша поднялась по лестнице на второй этаж, крепко держась за перила. Я шёл за ней, стараясь поддержать.

– Спасибо, Владька, я научилась в своём доме справляться, – улыбнулась она. – Давай зайдём ко мне в комнату, я приму лекарство и сниму протез. Пока боль утихнет, лучше ногу не нагружать. Похожу на костылях.

Мы прошли в её спальню – светлую уютную просторную комнату с большой кроватью посередине, шкафом, трюмо, креслом-качалкой и несколькими пуфиками. У окна стоял письменный стол с лампой и полочками с книгами над ним. На стене, напротив кровати на кронштейне висел маленький телевизор. Стены комнаты были до высоты в полтора метра облицованы деревянными панелями, а выше, светлыми обоями с интересным рисунком каких-то неведомых пейзажей, напоминающих гравюры. На полу, на паркете по обеим сторонам кровати лежали толстые мохнатые ковры.

– Ну вот, здесь моя норка, – проговорила девушка, смущённо улыбаясь.

– Как тут уютно и здорово! – воскликнул я.

– Здесь я чувствую себя в безопасности. И здесь никто не имеет права меня беспокоить, трогать мои вещи, если я этого не хочу. Такое у нас правило в семье. У Мишки своя комната тоже есть. У него свой беспорядок, но это – *его* беспорядок. И никто кроме него не может вторгаться туда.

Маша присела на кровать и сняла протез, массируя изувеченную ногу.

– Подашь костыли? Они в углу за дверью.

Я принёс лёгкие костыли, а моя подруга достала из тумбочки рулон эластичного бинта и аккуратно наложила на культю ноги плотную повязку, одев поверх её вязаный из толстых эластичных ниток белый носок.

– Ну вот, жизнь снова обретает краски!

Девушка осторожно поднялась на здоровую ногу, опираясь на костыли, прошла вокруг кровати к столу, взяла из ящика коробку с лекарствами, наклонилась и, отыскав нужную упаковку, выковыряла из нее таблетку. Пока она возилась, принимая лекарство, я рассматривал фотографию, на которой маленькая девочка с косичками сидела на руках у улыбающегося деда в пиджаке и с окладистой седой бородой.

– Это ты со своим дедушкой? – поинтересовался я.

– Да, это дедушка Тима.

Маша обернулась ко мне. Неуверенная улыбка светилась в её больших зелёных глазах за овальными стёклами тонких очков в золотой оправе. Её лицо казалось чуть строже и взрослее, а по-детски припухлые щёки, небольшой нос создавали неповторимый образ и неудержимо притягивали меня к ней.

Отбросив стеснительность, я бережно взял лицо моей феи обеими руками и поцеловал в мягкие губы осторожно, словно боясь причинить боль. Её густые волосы пахли каким-то неведомым мне ароматом и щекотали моё лицо. У меня закружилась голова, а по телу заструилось тепло.

Она не отстранилась, и я почувствовал, как сильно прижала меня к себе, обняв обеими руками. Мы слились в поцелуе на целую вечность, продолжавшуюся долю секунды, пока костыли с громким стуком не упали на пол и не вернули нас в реальность.

– Ой, я, кажется, случайно провалилась в сладкий сон. Ну почему от него нужно так быстро просыпаться? – Маша слегка оттолкнула меня двумя руками, все ещё покрасневшая и румяная, но тревога в её глазах не могла укрыться от меня.

Она села на кровать, глядя на меня широко открытыми глазами.

– Машенька, ты мне очень нравишься. Ты такая красивая! У меня нет слов, чтобы выразить то, что я сейчас ощутил! – я растерялся, не зная, что ещё сказать, и почувствовал, что густо покраснел.

Помолчав минуту, она быстро и с волнением заговорила:

– Владик, пойми, я – девушка, и для меня это очень серьёзно. У меня никогда раньше не было близких друзей – парней. Я не очень верила, что кто-то по-настоящему заинтересуется такой как я. И мой дефект сильно влияет на это. Я боюсь быть обманутой. Я... – Маша замялась, подбирая слова. – Мне очень приятно, что я у тебя вызываю симпатию. И ты мне тоже нравишься! Но прошу тебя: подумай ещё не один раз. Скажи мне самое главное – честно: готов ли ты – здоровый молодой человек – стать другом девушке – инвалиду? Готов ли к тому, что я не смогу никогда полноценно ходить, а порой и делать самостоятельно элементарные действия, играть в спортивные игры, танцевать? У меня могут быть кризисы и конфликты с самой собой, порой нелогичные для окружающих. Ты не сможешь привести меня в общество своих друзей, не рискуя услышать за спиной насмешки или сочувственные перешёптывания...

– Девочка моя дорогая! – я сел рядом, обняв подругу, и почувствовал, как она напряглась всем телом. – Как мне сказать тебе, что познакомившись с тобой, я думаю о тебе каждый день и ночь, представляю твоё красивое лицо, твоё стройное гибкое тело и хочу быть с тобой. Ты ни разу не дала мне повода усомниться в своей ловкости и самостоятельности. Я начал тренироваться, чтобы стать сильным и достойным носить тебя на руках, беречь и защищать. Ты мне нравишься такой, какая есть, и мне неважно мнение окружающих, если они не понимают

моих чувств. Я тебя уважаю как никого другого. Я уверен, что скоро смогу по-настоящему полюбить тебя, Машенька, помочь тебе обрести в жизни то, чего ты достойна!

Девушка прильнула к моему плечу, и я гладил её по длинным густым волосам, зарывшись в них носом и вдыхая аромат её духов. Она обняла меня руками, и мы с ней сидели, прижавшись, друг к другу, боясь пошевелиться и нарушить этот маленький, только что созданный нами хрупкий мирок. Потом она поднялась, потянув меня за руки. Я встал на ноги, и прекрасное лицо оказалось близко-близко. Я осторожно снял её очки, положил, не глядя, на стол и стал целовать её во влажные от слез огромные зелёные глаза, щёки, маленькие уши, губы, лоб. И она отвечала на мои поцелуи неуверенно, робко прижимаясь своими мягкими чувственными губами к моему лицу. Я, крепко обняв Машу, приподнял её от пола. Она прижалась ещё больше и обвила меня ногами, шепнула на ухо:

– Сядь!

Мы осторожно сели на кровать. Она тоже взяла моё лицо своими мягкими ладошками и, глядя в глаза, начала пальцами массировать мои виски, макушку, затылок, заднюю часть шеи. Я почувствовал приятное тепло, разливающееся по телу. Напряжение, овладевшее мной, куда-то исчезло, и появилась приятная легкость и бодрость. Захотелось летать, как в детстве.

– Что это, волшебница? Я чувствую такую лёгкость, тепло по всему телу.

Девушка кивнула, улыбаясь.

– Это древнее славянское искусство – «любжа» называется, – чуть слышно начала рассказывать она. – Помогает расслабиться и насладиться прикосновениями любящих друг друга людей, обмениваясь энергией, без интима. Мне приятно, и ты тоже можешь почувствовать удовольствие, увидев в глазах у партнёра, насколько то, что ты делаешь, ему нравится. Твои мысли должны быть сосредоточены на ощущениях любимого человека. Важно чувствовать друг друга, прислушиваться и не произносить слов.

Мы сидели с Машей, окунувшись в тишину, и слушая друг друга. Я погладил её по спине, стал бережно массировать бедра, колени, ощутив их округлость и упругость мышц. С затаённым страхом, осторожно коснулся повязки на повреждённой ноге, стараясь передать тепло девушке через свои ладони. Я увидел что-то в бездонных глазах Марии, похожее на наслаждение. На лице её появилась слабая мечтательная улыбка.

– Я чувствую тепло твоих рук, – прошептала она. – Это классно! Боль уходит... Спасибо тебе, добрый волшебник!

Прошла вечность или час, а может быть пять минут. Мы потеряли счёт времени, купаясь в наслаждении. Наконец, девушка поймала мои руки своими, ловко повернулась, опершись на меня и встала, подхватив с пола костыли.

– Это было замечательно! А теперь пойдём, я покажу тебе наш дом.

Маша первая вышла из комнаты, заставив меня очнуться и вернуться к реальности. Я вышел следом, готовый поддержать подругу, если она вдруг споткнется. На втором этаже был небольшой зал с торшером, журнальным столиком и лёгкими плетеными креслами. Три остальных двери вели, должно быть, в ванную и в спальни Михаила и родителей. Мы спустились на первый этаж и зашли в библиотеку, протиснувшись мимо выбежавшего из неё Джека. За резной тяжёлой деревянной дверью оказалось просторное помещение с книжными стеллажами вдоль стен и огромным старинным письменным столом с тумбами. Такие столы с зелёным сукном на столешнице я видел только в кино про дореволюционную Россию. На столе красовалась сложносочинённая немецкая пишущая машинка «Underwood». В углу стоял громоздкий чёрный рояль с сияющей в лучах солнца лаковой крышкой. Девушка, подошла к нему, открыла крышку клавиатуры и, присев на крутящийся стул, сыграла несколько аккордов какой-то красивой пьесы, пока я читал старинные позолоченные готические буквы «Bekker».

– Этот рояль и стол, кресла и многие из этих книг дедушка привез из Потсдама, – стала рассказывать девушка, увидев интерес в моих глазах. – Он трудился там инженером-строите-

лем несколько лет, уже после войны, и вся эта мебель была выделена ему для работы. Он восстанавливал разрушенные мосты, дороги в восточной части Германии, где сейчас ГДР. А союзники подарили ему машину за какой-то совместный проект. Дедушка Тима всё вокруг себя содержал в идеальном порядке. И строил на совесть. У него золотая медаль есть «Герой Социалистического Труда», много военных орденов, даже американский, и пистолет наградной. Во дворе его «Виллис» стоит. Между прочим – работает. Но его никто ни разу не заводил после похорон.

Маша снова проиграла несколько аккордов, наполнивших помещение библиотеки красивыми немного грустными звуками.

– А ты умеешь играть? – спросила она.

Я рассказал о своей неудачной попытке научиться играть на пианино: «После нескольких уроков, в течение которых Генриетта Адамовна (так, кажется, звали приходившую посвящать меня в мир музыки, обильно пахнущую духами особу) растопыривала мне пальцы в надежде, должно быть, их удлинить, чтобы воспроизвести в аккорде побольше октав, и заставляла повторять заунывную мелодию про голубую Вислу, я спрятался под стол, изо всех сил держась за ножки руками и ногами. Та, шокированная такой нелояльностью к „высокой музыке“, пыталась достать упирающегося меня из-под стола, чтобы начать урок, распахивалась так, что бабушка, вынуждена была по телефону вызвать маму с работы. Когда все действующие лица собрались в комнате, меня, всё ещё упирающегося в ножки стола, наконец, спросили: Хочу ли я продолжить заниматься фортепиано? А, догадаться нельзя было?...»

Маша весело рассмеялась, и в её глазах я снова увидел озорные огоньки.

Она показала мне блокнот, почти полностью исписанный убористым аккуратным круглым почерком.

– Это мои путевые заметки о летнем путешествии. Я их обработаю, и буду писать свой рассказ в нашу книгу.

– Ты можешь печатать на машинке?

– Конечно. Только я печатаю не на этой антикварной, а на электрической. Она у папы на другом столе стоит, – она показала за мою спину, где стоял стол поменьше около большого обитого кожей уютного кресла. – Вот наше с Мишкой рабочее место.

Я с интересом осматривал чудесные и уникальные предметы этого кабинета, а Маша рассказывала об их происхождении ещё более удивительные истории. Собрание книг на полках поражало тематическим разнообразием и исключительностью оформления. На отдельной полке стояли в ряд книги в переплетах под кожу, на корешках которых значились просто номера томов 1, 2, 3, 4... их было 11. Я взял наугад, одну книгу, оказавшуюся одним из самодельных изданий семьи Морозовых. Просто потому, что она имела название «10». Нет, неправда! Я прочитал на корешке: «Морозова М. Ф.», поэтому рука сама потянулась именно к этой.

– Маш, можно мне взять почитать эту книгу? – спросил я.

– Конечно, Владик, возьми, – сказала она.

Я бережно положил томик на стол, уверенный, что не забуду его взять перед уходом.

– Пойдём, я покажу тебе наш двор и что-то ещё...

Маша вышла из библиотеки и направилась к веранде, у двери которой уже сидел Джек, призывно виляя хвостом. Потрепав пса за холку, девушка выпустила его гулять и сама начала осторожно спускаться по каменной лестнице. Я подбежал к ней, подхватил на руки, помогая спуститься на землю. И тут, она резко остановилась, обернувшись.

– Влад, спасибо тебе за помощь, но позволь мне самой справляться с элементарными действиями. Я хочу тренироваться ходить, а ты образно говоря, за меня готов ноги передвигать.

Я ступешался, отпустив девушку. Она заметила мое замешательство и решила сменить тему.

– На этих велосипедах мы с Мишкой часто катаемся, – показала она на два дорожных велосипеда с механизмами переключения скоростей, стоявших под небольшим навесом у веранды. – Когда я училась в шестом классе, мне подарили настоящий велосипед – вот этот красный. Я была счастлива, как цейлонский слон. Носилась по улицам так, что мальчишки-одноклассники угнаться не могли. А после больницы не могла кататься, пока мне папа с Мишкой не сделали специальное крепление для протеза на правой педали. Теперь снова езжу с удовольствием, особенно когда далеко по городу поехать нужно или из магазина что-то привезти. На «велике» увереннее себя чувствую. А ты катаешься на велосипеде, Влад?

– Да, катался раньше, года три назад, а сейчас вырос из своего старого, а новый купить так и не получилось. Наверное, сейчас заново пришлось бы учиться...

– Ну что, ты! Это, как плавать. Если один раз научился, то уже на всю жизнь.

Мы обошли дом справа и, пробравшись сквозь заросли малины, оказались в тени старых высоких яблонь. Между деревьями под выцветшим на солнце брезентом угадывались контуры автомобиля. Маша, таинственно улыбнувшись, стянула полог, наблюдая, как округляются от удивления и восторга мои глаза. Передо мной материализовался настоящий американский джип «Willys-MB». Зелёная краска на грубоватых рубленых гранях поблёскивала в лучах солнца, пробивавшихся сквозь листву, как будто машина только что выехала с заводского конвейера. Потёртый на стойках тент был аккуратно зашит и выглядел как новый. Узкие шины со стёртым протектором были немного спущены, но накачать их – пара пустяков. Я осторожно подошел и дотронулся до рамки ветрового стекла легендарного автомобиля времён Второй мировой войны. На боковой скуле капота под слоем зелёной краски я различил светлые буквы US Army и восьмизначный бортовой номер, а на самом капоте угадывалась пятиконечная звезда в белом круге. Он даже запах имел какой-то иной, не похожий на аромат старого солидола, смешанного с бензином и тормозной жидкостью, что источают старые советские ГАЗики.

– Вот это, да-а-а! – у меня не было слов выразить восторг от увиденного раритета.

Маша с интересом наблюдала за моими глазами, наверное, расширившимися на всё лицо, и улыбалась.

– Ты, должно быть, так на игрушечные машинки в детстве смотрел, – предположила она. – Нравится?

– Это просто здорово! Уникальная машина! Я о «Виллисе» читал в «Технике Молодежи», – начал я взахлёб рассказывать, заодно просветив девушку на предмет количества цилиндров и мощности двигателя. – А можно за рулём посидеть?

– Давай, садись. Вот если заведёшь её – то будет чудо! – в глазах подруги зажёгся огонь азарта.

Я обошёл машину спереди, протиснувшись сквозь заросли малины, больно ударился ногой о торчащий далеко перед капотом железный бампер с буксировочными крюками и, перешагнув высокий порог с пристёгнутой снаружи сапёрной лопатой, плюхнулся на потёртое кожаное сиденье. Посередине щитка приборов торчала на вытянутой зубчатой рейке никелированная рукоятка стояночного тормоза. Повернув её концом вниз, я позволил ручке заехать внутрь и ощутил, как качнулась расторможенная машина. Покачав за эбонитовый набалдашник высокий изогнутый рычаг переключения скоростей, я проверил торчащий рядом с ним рычажок подключения полного привода. Выжал педаль сцепления, включил и выключил передачу, попробовал покрутить огромный руль с тонким ободом и четырьмя спицами. Но он был тугой, и мне удалось лишь немного пошевелить передние колёса, двумя руками потянув его за спицу вправо вниз. Слева от рулевой колонки в щитке приборов торчал потёртый ключ зажигания с висящей на короткой цепочке винтовочной пулей. Я осторожно повернул его в первое положение, но стрелки четырех приборов и лампочки на циферблате большого спидометра справа от рулевой колонки и не подумали подавать признаки жизни. Маша, откинув полог

справа, и отцепив карабин брезентового ремня, закрывающего дверной проём, осторожно села на сиденье, прислонив костыли к штанге круглого размером с пудреницу зеркала заднего вида.

– Мне Мишка рассказывал, как заводить машину и показывал, как ездить. Под левой ногой где-то кнопка отключения аккумулятора. Если он полностью не разрядился, можно включить...

Я наклонился и еле нашёл железную кнопку, спрятанную под щитком у самого проема двери. Нажал её, и снова повернул ключ. На этот раз стрелка амперметра качнулась влево, а датчик уровня топлива ожил, показывая, что не весь бензин в баке высох. Выключив передачу, я повернул ключ на старт и нажал тугую кнопку стартера рядом с педалью акселератора. В машине что-то щёлкнуло, и все стрелки снова упали, а еле теплящаяся лампочка аварийного давления масла в круге спидометра, потухла. Я вернул ключ на ноль и выключил кнопку массы.

– Нужно аккумулятор зарядить. Не заведётся. Но, Маш, это самая целая и прекрасно сохранившаяся машина тех времен, которую я видел в своей жизни! Давай как-нибудь с тобой её оживим? Это же интересно!!!

– Давай! Только в следующий раз, хорошо? Скоро Мишка придёт, он очень ревностно следит, чтобы никто её не трогал.

Я проворно вылез из джипа и, продравшись сквозь малинник, помог Маше выйти из машины. Она бережно накинула полог на «Виллис» спереди, пока я обходил его вокруг, заглядывая под него, знакомясь с конструкцией рессорной подвески. Меня интересовало всё: закреплённые на задней стенке кузова узкое запасное колесо и канистра для топлива, площадка на заднем левом крыле с длинным членистым хлыстом танковой антенны, конец которой был закреплён на специальном кронштейне справа, держатели для винтовок вдоль правого и левого борта с длинными кобурами из толстой вытертой замасленной кожи. Я внимательно рассматривал надписи на английском языке, инструкции по использованию радиации и узлов автомобиля, напечатанные на алюминиевых полустёртых табличках, приклепанных к зелёным железным панелям автомобиля, пока не услышал звонкий Машин голос.

– Сказать, что ты не равнодушен к технике – это ничего не сказать. Ты так увлеченно рассматриваешь эту машину, что мне иногда хочется оказаться на её месте, – засмеялась моя подруга.

– Извини, Маш, я забываю про всё на свете, увидев какое-либо техническое чудо, старинное или новое, изготовленное человеком.

– Да, Мишка тоже очень любит возиться с «Виллисом». Он умеет на нем ездить, хотя конечно, ему ещё нельзя выезжать на дороги. Он очень хочет в институте получить водительские права и начать ездить на дедушкиной машине. Ну что, пошли дальше? – позвала она.

– Пошли! Я чувствую, что попал в чудесный сон, и готов путешествовать с тобой бесконечно.

– Если бы это был сон, я бы уже проснулась, и все это превратилось в тыкву, как карета Золушки.

Маша направилась через запущенный фруктовый сад к остаткам бревенчатого дома в глубине двора. Стен практически не было, только на земле лежали несколько заросших мхом и почерневших от времени брёвен, обозначая контуры комнат. Сквозь полы уже проросли кусты смородины и какие-то деревца. Я удивился, не услышав обычного для ростовских трущоб запаха старости, крыс и ещё ни весть чего. Природа буйной растительностью бережно укрыла останки дома, прослужившего людям верой и правдой не один десяток лет. На полу кое-где остались прогнившие доски, среди которых угадывался квадратный люк, ведущий, должно быть, в подвал. Солнце уже спускалось к горизонту, и длинные тени от деревьев и забора легли на это место. Вечерняя прохлада последних летних дней приятно освежала. Я подошёл к моей подруге, бережно обнял её и снова почувствовал, как она прижалась ко мне. А в глазах была грусть.

– Ты скучаешь по бабушке?

Маша молча кивнула, украдкой смахнув слезинку.

– Жизнь продолжается. Спасибо бабушке Тиме за то, что мы сегодня можем жить мирно и свободно!

Подруга с благодарностью взглянула мне в глаза.

– Ты – настоящий, Владик, внимательный и добрый! Знаешь, я иногда, как ты говорил, хочу проснуться, и мне становится хорошо и спокойно от того, что ты и всё это не исчезает. Я, наверное, буду скучать, когда ты сегодня уйдёшь домой. Так раньше со мной не было. Никто из моих сверстников не мог заставить меня грустить при расставании с ним. Да мне этого и не нужно было. Все было сухо и поверхностно. Разговоры ни о чём. Плоские шутки, фальшивая групповая солидарность маленьких банд в классе. Я боюсь, что завтра, встретившись с одноклассниками, могу не сдержаться, и меня стошнит. – Проговорила Маша, усмехнувшись.

– Но я же вернусь, Маш. Мы снова встретимся.

– Это и обнадеживает!

Мы обошли вокруг задней части большого дома, и я увидел среди стройных высоких сосен уютный стриженный газончик с качелями и перекладиной на вкопанных в землю стойках. Я подошел к турнику и, подпрыгнув, повис, намереваясь подтянуться несколько раз. Маша присела на качели, положила костыли на колени, с интересом наблюдая за мной. Я подтянулся раз шесть, стараясь не дёргать ногами, и тут услышал, как весело залаял Джек, и послышался стук открываемой калитки. Высокий молодой человек быстрыми шагами прошёл по аллее, ведущей к дому. Потом он увидел меня, покачивающимся на перекладине, и направился к нам.

– Привет, молодёжь!

Наклонившись, он поцеловал сестру. Затем, подошел ко мне и протянул руку. Я, спрыгнув с перекладины, пожал её, оценив силу рукопожатия Машиного брата.

– Я – Владислав, друг Маши.

– Михаил. Рад познакомиться! Маришка рассказывала о тебе. Дружишь со спортом?

– Стараюсь, – ответил я. – Поздравляю, Михаил, Вам удалось поступить в Бауманку!

– Спасибо, это оказалось не так сложно, как я думал прежде. Москва – огромный город! Вот что произвело на меня бóльшее впечатление. И ещё, давай сразу на «ты». Так общаться проще, не так ли?

Голос Михаила звучал дружелюбно, и его уверенность передалась мне.

– Вот, мальчики, и познакомились, – громко сказала Маша, встав с качелей. – Пойдёмте ужинать! Мишка, как друзья тебя проводили?

– Нормально. Я не стал до ночи сидеть, завтра ведь рано уезжать...

– В котором часу твой самолёт?

– В одиннадцать утра уже вылет. В девять надо быть в аэропорту.

– А папа отвезёт тебя?

– Я бы удивился, если бы не отвёз.

– Тогда я с вами в аэропорт поеду! – Маша сказала это тоном, не допускающим возражений.

– Хорошо, сестрёнка, поможешь мне чемодан нести.

– Очень смешно!

Мы поднялись в дом, и я сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Поеду, наверное. Уже вечер. Мне тоже завтра с утра в школу. А вы пообщайтесь в семейном кругу.

– Подожди, Влад, может, поужинаешь с нами? – Михаил приветливо смотрел на меня, – Завтра я в Москву уеду, в институт. Потом, только на каникулах появлюсь месяца через три. Было бы интересно с тобой поговорить.

– Да, Владик, голодного тебя не отпущу! – вставила Маша, смущённо посмотрев на брата.

Я глянул на часы. Было чуть больше семи.

– Хорошо. Я согласен. Спасибо!

– Я сейчас, быстро приведу себя в порядок... – крикнул Михаил, взлетая по лестнице.

– Владька, подожди внизу, я тоже зайду к себе на минутку, а потом будем ужинать.

Подруга, осторожно поднялась по лестнице и скрылась в своей спальне, а я зашёл в ванную умыться после прогулки. Мне понравилось, что везде, куда бы я ни заходил в этом доме, всё сияло чистотой. В самой ванной комнате на высоте полутора метров начиналось окно, сложенное из матово-прозрачных стеклянных кирпичей. Благодаря этому, здесь всегда был уютный рассеянный свет. «Разумная экономия электричества» – подумал я, вспоминая наглухо покрашенные слуховые окна в ванной комнате нашей квартиры. Выйдя в холл, стал рассматривать фотографии на стенах. Одна мне очень понравилась. На ней была вся семья Морозовых, включая дедушку, на фоне заснеженных гор. Маше было лет девять. Худенькая и хрупкая, она стояла в шортах, кутаясь в большой вязаный свитер, а Мишка её обнимал, пряча от горного студёного ветра. Дедушка Тима стоял, держа спину прямо по-военному, и смотрел в объектив добрыми глазами через круглые очки в тонкой металлической оправе. Фёдор Тимофеевич и Анна Петровна, обнявшись, стояли рядом с дедушкой, щурясь от солнца. Видимо, все на минутку выскочили из тёплой машины, чтобы сфотографироваться на фоне такой красоты. Мне вдруг очень захотелось хоть на время оказаться в их семейном кругу, на вот этом мягком угловом диване и при потрескивающем камине слушать истории о путешествиях. Я не заметил, как сзади подошел Михаил.

– Влад, пойдём, я покажу тебе спортзал, пока Маришка разогреет нам ужин.

Я растерянно оглянулся, ища взглядом девушку, и снова поразился её перемене. Она успела переодеться в домашний халат, причесаться и собрать волосы в длинный хвост. Ловко спустилась с лестницы уже без костылей и подошла к нам, сказав:

– Мальчики, у вас минут десять, а потом за стол!

Мы с братом одновременно кивнули и зашли в спортивный зал. Я сел на скамью сложного тяжелоатлетического тренажёра и с усилием свел рукоятки, с помощью системы тросов и шкивов, связанные со стопкой грузов сзади.

– Ого! – Мишка уважительно посмотрел на меня. – Сила есть. Можешь накачать неплохие мускулы, если заниматься правильно и каждый день. Жаль, я уезжаю, а то бы позанимались с тобой месячишко-другой...

Он лег на другую скамью с лежащей над ней на стойках штангой и без напряжения отжал её от груди раз десять. Я посчитал по указанным на «блинах» значениям веса, оказалось 80 кг.

– Знаешь, Владислав, – начал Михаил без предисловий. – Я очень боюсь оставлять сестрёнку. Уезжаю надолго, а она здесь без защиты. В школе и на районе всяких мерзавцев полно. Подчас мне приходилось и встречать, и провожать её. А Маришка – девушка неординарная, красивая. Может, кого и спровоцировать, и послать подальше, если приставать будут. Я научил её нескольким приёмам дзюдо, чтобы могла подонка под кайфом отрезвить, но ей сложно с одной ногой в стойке стоять, защищаться, тем более не выздоровела ещё полностью. Я обрадовался, когда она рассказала, что с тобой познакомилась на море. Правда, сомневался, что ты придёшь искать её здесь.

– Почему? – спросил я недоумевая.

– Видишь ли, скольких её «друзей» я знал, всех готов был через какое-то время вышвыривать за дверь. Они ведь не к ней дружить приходили, а свой имидж поднимать. «Смотрите, какую классную девчонку подцепил...!» А когда с ней несчастье случилось, ни один из ухажёров даже в больницу не зашёл проведать! И сейчас в классе в глаза ей заглядывают многие, фальшиво сочувствуют, но помочь даже уроки сделать – ведь никто не зайдёт! Суки, брезгуют связываться с инвалидом. Вот я грешным делом и подумал о тебе так же. Извини, если ошибся...

– Напрасно. Мне Маша очень понравилась с первого знакомства. Я просто благодарен Судьбе за то, что свела меня с ней. Я готов её защищать и помогать ей готов, – сказал я с жаром.

– А драться готов за неё? – Миша посмотрел мне прямо в глаза.

– Готов, – сказал я, выдержав взгляд Машиного брата.

Он снял со стены две пары боксёрских перчаток и одну протянул мне. Я неумело развязал шнуровку и натянул великоватые перчатки на руки, чуть согнул ноги в коленях, изобразив стойку боксёра, как я её представлял. Юноша, надевавший свои перчатки, улыбнулся, глядя на меня.

– Да, боксом ты вряд ли занимался. Но давай, попробуй меня сейчас ударить. Не жалея сил!

Я неуверенно сделал выпад и выбросил правую руку в надежде дотянуться до Миши. Он легко ушёл от моей перчатки и неожиданно сильно ударил меня в бок левой рукой. Я сохранил равновесие, отскочив назад и, нагнув голову, пошёл в атаку, упрямая траекторию отхода соперника, нанёс ему серию ударов правой и левой, стараясь, чтобы и мои удары показались жёсткими и сильными. Он одобрительно кивнул, отбив локтем два из них и правой перчаткой чётко припечатал мне в челюсть, в последний момент, остановив руку так, что я почувствовал всего лишь мягкий толчок, от которого голова резко дёрнулась назад. Войдя в азарт, я подскочил к нему и нанёс пару ударов по корпусу, вложив в них всю свою силу. Я почувствовал, что по крайней мере, один из них достиг своей цели. Миша закрылся, отпрыгнул в сторону и плавно, что я даже не заметил как, левой ударил меня в грудь, удерживая на вытянутой руке от дальнейших боевых действий.

– Хорош- хорош. Для первого раза очень неплохо. Над реакцией надо поработать, и конечно, техника нужна, вес тоже набрать неплохо, – перечислял Михаил мои «промахи». – В целом, Владислав, не боишься, и это главное! Сейчас я могу поверить, что ты не убежишь, оставив девушку в беде. В какой-то мере я буду спокоен, но предупреждаю: Даже не думай о сексе! Если обидишь мою сестру или допустишь, чтобы её обидели на твоих глазах – брошу всё и приеду отрывать тебе голову. Хоть Маша и слегка старше тебя, ты отвечаешь за её безопасность наравне с родителями! Понял?

– Понял, Миша, понял. Ты очень доходчиво и ненавязчиво умеешь всё объяснять, – проговорил я, начиная дышать и снимая перчатки. – И, спасибо за проверку. Я понял, в чём я слаб и теперь, буду тренироваться. Может даже, в какую-нибудь секцию боевых искусств похожу.

– Хорошо! Этими тренажёрами тоже можешь пользоваться, когда захочешь. Маришка любит здесь заниматься. А вот с «Виллисом» будь осторожен. Это память о нашем дедушке. Знаю, что ты пробовал его завести. Учиться водить, здесь нет места. За пределы двора ни в коем случае не выезжай. Даже, если сестра разрешит. У него старые номера и техосмотра нет. Тебя первый мент хлопнет, да и соседи стукнут. Могут гаишники приехать разбираться. Я права получу, займусь им. Ну а ты, если интересно, приведи его в порядок, заведи, масло поменяй. Всё равно твоя техническая душа не успокоится, – Мишка дружески улыбнулся, похлопав меня по спине. – А теперь пошли чай пить!

– Что, опять из-за девушки подрались? – приснула от смеха Маша, увидев нас, выходящими из спортивного зала.

– Нет, что ты. Мы обсуждали возможность доказательства теоремы Ферма, – сказал Михаил, приглаживая волосы и заправляя рубашку перед зеркалом.

Я тоже глянул в зеркало, висящее в холле, и вид отразившегося в нём растрёпанного подростка меня развеселил.

– Давайте руки мыть и за стол! – крикнула она голосом мамы, решившей приструнить своих расшалившихся детей.

Мы, толкаясь, зашли в ванную. А когда сели за стол, я опять удивился мастерству и ловкости девушки в таких, казалось бы, незаметных домашних делах. Я понял, что именно она и есть «виновница» всей чистоты и порядка в доме.

Мы набросились на груды оладий с вареньем, сметаной и сгущёнкой, запивая ароматным дымящимся чаем. Я вдруг почувствовал, что реально проголодался и, уплетая угощение, с благодарностью поглядывал на Марию, весёлую и потрясающе красивую. Она улыбалась, аккуратно жуя оладушек. А я вспомнил, как на море она в первый раз угостила меня мороженым.

– Как ты успела приготовить такую вкусноту? – не удержался я, чтобы не похвалить девушку.

– Это – секрет! Кушайте на здоровье, – лукаво подмигнула Маша.

– Ты – прелесть, сестрёнка! – поддержал Миша. – Поделишься несколькими рецептами? Я попробую в общезитии приготовить. Мало ли, как и когда придется кушать.

– Для тебя раскрою самые секретные рецепты, брат! – шутливо отозвалась девушка.

Наша лёгкая беседа за чаем продолжалась еще минут сорок. Я чувствовал себя непринуждённо и свободно среди добрых, умных и понимающих людей, которые нравились мне все больше и больше.

Тепло попрощавшись с хозяевами гостеприимного дома, я пожелал удачи Мише на новом месте и стал собираться домой. Маша проводила меня до калитки, не забыв снабдить пакетом с книжкой. Я бережно обнял девушку, вдыхая аромат её волос, и прошептал:

– Я буду очень ждать нашей следующей встречи, Машенька!

– Я тоже, Владька! Буду скучать. Позвони завтра, хорошо?

– Конечно, девочка, я с нетерпением буду ждать завтра. Когда вернешься домой?

– Давай часов в пять созвонимся?

– Давай!

Я поцеловал её в щеку, смутившись от мысли, что Михаил за нами может наблюдать.

– Пока, Маришка!

– Пока! – смущённо улыбнулась подруга, покраснев.

Обратный путь домой занял у меня почти час. Трамвай оказался полон людей, и я еле втиснулся на площадку, выходя и выпуская пассажиров на каждой из трёх последующих остановок. Но летел домой, окрылённый новыми впечатлениями, крепко прижимая пакет с драгоценной книжкой, которую мечтал сегодня же вечером начать читать. Я сегодня узнал и пережил столько нового! Меня наполняло раньше неизведанное чувство ответственности перед тем, кто мне стал небезразличен. Казалось, я повзрослел сегодня, стал серьёзнее воспринимать свою жизнь и жизнь вдруг ставшего дорогим мне человека.

Дома меня ждали родственники, немного удивившись не столько моему позднему возвращению, а скорее, таинственной улыбке, которую я никак не мог спрятать.

Одноклассники. Я читаю книжку Маши.

«Доброе утро!» – голос бабушки заставил меня приоткрыть глаза, в которые тут же ударил яркий солнечный свет из окна. Это она раздвинула шторы, решив меня разбудить радикально. На часах было десять часов. «Угу!», – сказал я, прищурившись. У меня был ещё час до школьного сбора учеников. Хотелось быстрее отбыть это мероприятие и вернуться домой к чтению Машиной книги. Вернее, я хотел другого: взять с собой книгу, а после собрания, забраться куда-нибудь в парк и почитать на свежем воздухе. В моей комнате было уютно, но что-то неосязаемое, как радиация, мешало осознавать себя дома взрослым. «Наверное, издержки моих комплексов», – подумал я, умываясь. Завтрак на кухне. Сестра уже куда-то ушла, так что только бабушка «опрашивала» меня, пока я ел. Решил одеться получше – всё-таки с одноклассниками встречаюсь. Белая рубашка и брюки будут в самый раз. Ну и пусть жарко, не растаю. Ручка, тетрадка, «трояк» с мелочью в кармане и драгоценная книга в сумке – я готов прожить заключительный день этого лета. Пока шёл в школу, все время думал о Маше: «Все-таки, замечательная девушка! Вот бы сегодня с ней встретиться. Но, наверное, она занята будет, или подумают её родители, что я зачастил к ней...» Я нащупал в кармане брюк заветную монетку. Сомнения как рукой сняло. И тут под ногами оказался школьный двор, а с ним и шум и гвалт. В общем, думать мне помешали.

Восьмой «А» класс тусовался в тени высоких тополей. Расположившись полукольцом ребята, оттесняли собой группу «бэшников» – наших вечных оппонентов. Между нами всегда, то соревнования проводились, то конкурсы, то просто субботники по сбору макулатуры по принципу «кто больше». Девочки же, многие из которых заметно выросли и оформились за лето, оказались в центре полукольца, разговаривали и шутили сразу все и со всеми. Я стал с краю, почти замкнув наш круг общения. Но не успел перебраться несколькими фразами с товарищами, как в центр круга протиснулась классная руководительница Дина Петровна и энергичными хлопками в ладоши, как обычно привлекла внимание большинства из нас, объявив зычным голосом, что через пять минут ждёт нас на третьем этаже в 29-м кабинете. На её голос обернулись, по меньшей мере, две трети присутствовавших на школьном дворе, и я был уверен, что к упомянутому кабинету стянется как минимум человек сто пятьдесят. Дина Петровна почувствовала, что за ней готовы пойти многие, и громогласно уточнила: «Касается только восьмого „А“ класса!»

Через указанное время мы зашли в кабинет, где на партах уже лежали двойные листки в клеточку. Да-да, здесь, как в музее, в разделе о довоенном народном образовании еще сохранились деревянные парты образца 1940 года, различающиеся своими размерами. На маленьких, я мог сидеть только, выставив ноги в проход. Так тесно и низко от сидения находился откидной столик, жестко прибитый к основанию лавки с дощатой спинкой, окрашенной эмалью для полов. А за большими наши самые низкорослые ученики могли работать только при-
встав.

Дина Петровна всегда заботилась о том, чтобы её конспекты были записаны не абы куда, а хотя бы, на отдельные листки, которые ученики, по её словам, «забывшие дома головы», смогут унести домой, и может даже там прочитать. Лекции по географии, которую она вела, требовалось записывать под диктовку, но скорость, с которой она их диктовала, делала из нас стенографистов на сорок пять минут в день, как минимум. Все стонали, когда она замещала какой-либо урок своей географией, увеличивая время занятий скорописью в два раза. Популярной «отмазкой» у ребят в прошлом году было приходить на её урок с забинтованной правой рукой. Однажды, увидев, что на географию пришел почти весь класс с «изувеченными» десницами, она привела медсестру, и та весь урок учила всех «раненых» делать перевязки, обильно смазав

зеленкой им руки по самый локоть. Только один мальчик избежал этой участи, поскольку его правая рука была на перевязи в настоящем гипсе, и медсестра побоялась его вскрывать...

Заняв свои места, мы сразу схватили ручки, готовые конспектировать каждый вздох учительницы. Я мельком обратил внимание на девочку, севшую передо мной на первую парту. Раньше я её не видел и понял, что она не из нашей школы, а то бы гораздо быстрее среагировала на команду «Взяли ручки!». Начавшая поступать сплошным потоком из уст Дины Петровны информация, заставила меня сосредоточиться на записи, и я не успел хорошо рассмотреть соседку. Исписав за пятнадцать минут свои листочки, мы просмотрели записи и поняли, что это оказалось расписание занятий на месяц, список учебников, фамилии учителей и предметов, номера кабинетов, в которых будут проходить уроки, и... домашнее задание по географии на субботу. Затем «классная...» сделала пятиминутную паузу, давая возможность неуспевшим, списать друг у друга. Подойдя к новенькой, она несколько бесцеремонно взяла её за руку и вывела к доске.

«Внимание, ребята! ... – Дина Петровна добила абсолютной тишины. – А сейчас познакомьтесь с Оксаной Чаренцевой. Она перешла из 72-й школы, и будет учиться в нашем классе. Прошу любить и жаловать! ... Это не то, что ты подумал, Борисенко. „Прошу любить и жаловать“ – это идиома старорусского языка, призывающая уважать человека», – решила рассеять у нас все сомнения в двусмысленности сказанного учительница.

Девочка, как будто сумела справиться с робостью и, застенчиво улыбаясь, обвела взглядом лица своих новых одноклассников.

– Привет, Ксюха! – донеслось с заднего ряда.

Смех прокатился по галёрке. Оксана прищурилась, стараясь рассмотреть автора реплики.

– Доброе утро, парни! Здравствуйте, девушки! Познакомимся после собрания, хорошо? – немного низким голосом сказала она.

– Итак! Вернёмся к нашим баранам, – вновь завладела нашим вниманием Дина Петровна. – Сделаем переключку...

И она, открыв журнал, быстро прочитала фамилии, коротко дожидаясь ответного «Я!» от каждого названного. Наконец, с формальностями было покончено, и мы, дождавшись команды «Свободны!», стали пробираться к выходу, громко хлопая откидными крышками о парты.

Я с удовольствием вдохнул свежий воздух на улице, избавляя лёгкие от кислого запаха свежей краски, каждый год наполнявшего школу обычно ещё месяца два после начала занятий.

– Владислав, если не ошибаюсь...? – услышал я и, обернувшись, увидел мою соседку спереди, внимательно осматривающую меня.

– Да, меня так зовут, – улыбнулся я.

– Хорошо! Вот и познакомились. А этот парень, Сергей Борисенко – твой друг?

– Не думаю, что он меня таковым считает. Между понятиями «друг» и «недруг» очень много оттенков, от светлого до тёмного. Скажем, я в более тёмной его части.

– В таком случае, я бы предпочла попасть в светлую часть твоей радуги, – улыбнулась девушка приветливой улыбкой.

– Хорошо! – просто сказал я. – С удовольствием подружусь с тобой. Мне на площадь. Ты куда сейчас?

– На трамвай, – усмехнулась Оксана.

– Тогда я могу тебя проводить.

– Ты не понял – это шутка. За мной сейчас приедет мамин водитель.

– А, ну тогда, до завтра! – ответил я равнодушно и повернулся, чтобы идти.

– Хочешь, подвезём тебя? – предложила она.

– Не, спасибо! Я привык пешком. – Нетерпеливо ответил я и, махнув девушке рукой на прощанье, пошёл в сторону дома.

Немного отойдя от школы, я снова вернулся к своим мыслям. Книжка в сумке всё больше будоражила мои фантазии.

Добравшись до площади, я пересёк оживлённую в любое время суток улицу, пропустив прогрохотавшие в обе стороны трамваи, и повернул к детской площадке, где были скамейки, и можно было почитать. Открыв заветную книгу, я незаметно для себя увлёкся чтением, с удовольствием проглатывая целые страницы повести, написанной простым и немного ироничным языком.

В самом начале книги ярко описано путешествие в Домбай. Там Маша быстро научилась спускаться на горных лыжах, и с восторгом обгоняла и родителей, и брата на виражах, осыпая их искрящейся на солнце снежной пылью. Я живо представил себе величественные горные пейзажи Кавказа, катание на лыжном подъемнике над склоном и пропастью и головокружительные скоростные спуски, с которыми не сравнится ни один известный мне аттракцион. Рассказ Маши о путешествии по скованному льдом руслу горной реки к таинственному замёрзшему водопаду навеял мне картины из фантастических книжек о далеких загадочных планетах, населённых диковинными формами жизни. Возвращение на машине по горной дороге вдоль засыпанного снегом ущелья, и сошедшая в опасной близости от их автомобиля снежная лавина на какое-то время погрузили меня в увлекательный приключенческий фильм о Джеймсе Бонде.

Возвращение в зимний Ростов, приветливый теплый уютный дом, дедушка, встречавший их, уставших, но веселых, заряженных энергией для предстоящей учебы и работы.

Февраль, день рождения, гости из Москвы, веселые игры во дворе, подарки и...

Аварию Маша описывала очень скупой и короткой:

...Был морозный день. Я спешила на занятия по дзюдо и побежала к остановившемуся трамваю. Большая грузовая машина вдруг оказалась прямо передо мной, продолжая двигаться по обледеневшей дороге в толпу. В голове крутился вопрос: Как мог грузовик ехать, если колеса у него не вращались? Помню, что ударилась лбом о кузов, а ноги по инерции, поехали под большие задние колеса. Потом резкая боль и темнота...

Очнувшись в больнице после операции, я долго изучала сложную систему подвесов и вытяжек, в которых находились закованные в гипс мои ноги. Сознание, замутнённое наркозом, погружало в сон. Я не успевала понять, что именно не так в этой системе.

Проснувшись, наверное, через вечность, попробовала пошевелить пальцами ног, но безуспешно. Лишь тупая ноющая боль, казалось, растекающаяся по всему телу и стучащая с частотой пульса внутри головы. Перед глазами слайдами всплывали встревоженные лица папы, мамы, брата, дедушки и снова сон без сновидений. А потом страшная истина, от которой хотелось спрятаться, укрыться с головой, зажмуриться и всё забыть: «Я не смогу ходить без ноги». Я смотрела в потолок и боялась отвести взгляд, изо всех сил удерживая внимание на белой панели, стараясь не пускать эту мысль овладеть мной. Трудно было не впасть в отчаяние, не поддаться истерике, не жалеть себя, несчастную, умываясь слезами. Когда пришла мама и сказала, что умер дедушка Тима, я заплакала от отчаяния. «Он ведь только вчера приходил, – проносилось в голове. – Рассказывал весёлые истории, говорил, что я обязательно смогу жить и ходить как все, потому что сильная, и потому, что Бог никогда не пошлёт человеку испытания, если тот не сможет его выдержать». Дед, уходя, очень просил простить человека, сделавшего меня инвалидом. Какое это страшное слово – инвалид! Как клеймо, от которого уже не избавиться ни по какому волшебству. Выход только

один – взять себя в руки, всё обдумать и сделать так, как советовал дед Тима. Вечером я постаралась убедить себя, что жизнь продолжается, самой себе объяснить тот случай, посмотреть на ситуацию глазами того водителя, и с удивлением обнаружила, что мне стало легче. «Может он и вправду не смог остановить гружённую машину на льду? Ведь не крутились же у грузовика колёса...!!!»

Когда в палату пришли незнакомые люди в халатах поверх костюмов и представились начальником автоколонны и водителями, я увидела сострадание в их глазах. Они что-то говорили о санатории, принесли кучу конфет, фруктов и большого плюшевого медведя-панду. Водитель, назвавшийся Антоном Семёновичем, всё отворачивался и украдкой вытирал слёзы, а потом, когда все вышли, задержался, стал на колени передо мной и пробормотал: «Прости, дочка, меня, грешного! Не успел я, окаянный, спасти тебя, девочка! Я буду помогать тебе, как смогу, буду молиться за тебя. Дай Бог тебе здоровья и никогда больше не страдать!»

Позже, папа рассказал, что все водители и руководство автоколонны решили каждый месяц отчислять из своей зарплаты деньги на моё лечение.

Мама настояла на том, чтобы в начале апреля я начала вставать на костыли и учиться ходить с ними. Она ровным безжалостным голосом (спасибо ей за это!) объяснила, что мой коленный сустав на правой ноге без тренировки может навсегда потерять подвижность в согнутом положении, и потребуются еще одна ампутация оставшейся голени, чтобы впоследствии можно было надеть протез. Пересилив сводящий мьшцы, липкий животный страх, я стала наступать на закованную в гипс левую ногу, ещё долго по привычке «шагала» короткой культей правой ноги, тщетно ища опору для неё. Боль вернулась и каждый день напоминала о себе, отпуская только тогда, когда я валялась в изнеможении на кровать после многочасовых тренировок и обезболивающего укола. Когда принесли первый протез, я смотрела на этот, похожий на грубо отрезанную ногу большой куклы, чуждый моему телу предмет с содроганием. Еле убедила себя, что смогу надеть его. Даже в толстом компрессионном носке получилось вытерпеть лишь минуту. Почувствовав, как нежная кожа, только-только затянувшая рану на культе, запылала огнем, как обваренная кипятком, я сбросила протез на пол. Ногу свело от нестерпимой боли. Тогда я попросила дать мне какой-нибудь наркотик, чтобы привыкнуть к ней. Мама категорически запретила даже думать об этом. Стать на обе ноги, без костылей – простое даже для младенца упражнение, для меня казалось невыполнимым. Судорожно обхватив брусья руками, я впервые медленно перенесла вес тела на протез. Ощущение, что нога погрузилась в кипящую смолу, а из глубины в неё вонзаются острые шипы – пожалуй, так можно описать эту пытку. Йогам такое и не снилось. Каждый день число шагов по колено в смоле увеличивалось. Тренажёры стали привычными, как тумбочка или кровать. Желание ходить как все, подстёгивало продолжать тренировки. Врачи предлагали инвалидное кресло, чтобы выезжать гулять на воздух, но я не стала в него садиться. Казалось, сев в это страшное кресло с большими велосипедными колёсами, я автоматически стану инвалидом и уже никогда не смогу жить как все люди.

Когда одноклассники с классным руководителем приходили в больницу, настроение у меня поднималось. Они спрашивали о здоровье, рассказывали о школе, приносили домашнее задание, но среди ребят я не увидела тех,

кого считала своими друзьями и подругами. Даже Костик – тихий мальчик с большими голубыми глазами, помогавший носить портфель и однажды угостивший мороженым в кафе – ни разу не пришёл. От этого становилось грустно и непонятно.

Однажды, в конце марта мама пришла проведать днём, необычно радостная и деловитая. «Машенька, я всё уладила, – возбуждённо говорила она. – Ты сможешь в мае поехать в Израиль в реабилитационный лагерь при клинике эндопротезирования. Там такие же дети, как ты, учатся ходить и жить после травм и ампутаций. И там тебе сделают удобный современный протез. Сейчас папа оформляет тебе загранпаспорт. А задание на эти полтора месяца – научиться разговаривать и понимать английский язык».

С этими словами она поставила на тумбочку маленький кассетный магнитофон с наушниками, стопку кассет и учебник по английскому языку. Я не поверила, и во все глаза смотрела на мать.

– Мам! Ты чудесница! Это ведь невозможно...?

– Возможно, дочка, и даже очень нужно именно сейчас, пока заживает нога, научиться правильно ходить, чтобы не хромать, – ответила мама, пытаясь за строгим выражением лица скрыть радостную улыбку.

И я с головой погрузилась в изучение английского. Прослушав кассету полностью и разобрав только комментарии преподавателя, взяла учебник и, руководствуясь инструкцией к уроку, стала по несколько раз слушать отдельные фрагменты фонограммы. Вскоре получилось разбирать знакомые из школьной программы английские слова. Это оказалось так занятно, что я каждый день с нетерпением старалась быстрее завершить тренировки на тренажёрах и, забыв о боли и усталости, полностью погружалась в английский, порой игнорируя необходимость поесть. Прошло полтора месяца интенсивных тренировок. Я уже уверенно бродила по парку больницы, иногда забывая опираться на костыли при ходьбе, и бойко беседовала с отцом на английском, когда он приходил проведать меня после работы.

Врачи сделали мне подарок: к 1 мая – выписали из больницы! Я наслаждалась домашней обстановкой и общением с родными все майские праздники. С удивлением обнаружила установленные вдоль всех лестниц и ступеней полированные металлические поручни. Дом оказался таким же доступным и удобным, каким был до травмы. Напрасно я опасалась, что не смогу попасть на второй этаж в свою спальню. Мишка ходил за мной по пятам, помогая привыкнуть ходить с одним костылём. Я продолжала занятия в спортзале, оборудованном новой беговой дорожкой и тренажёрами, постепенно расставаясь со ставшей уже привычной, болью, сопровождавшей каждый шаг. Забота родных была тщательно продуманной и трогательной, и я про себя в который раз обещала никогда не быть обузой для них, научившись заново полноценной самостоятельной жизни. Каждое утро после ходьбы на беговой дорожке, занятий в спортзале – обязательная прогулка по двору с верным Джеком. Я пока на него больше опиралась, чем держала за ошейник. Впрочем, он был не против этой роли «почти лошадки». Однажды, когда мы с папой и Мишкой поехали в бассейн, я с удивлением обнаружила, что по-прежнему могу быстро плавать, обгоняя многих прочих здоровых посетителей. Только через полтора часа, выбравшись из воды на бортик и почувствовав привычную боль в ноге, осознала, что на время, пока плавала, ко мне вернулось привычное детское ощущение

лёгкости и беззаботной радости движения, которое, казалось, раз и навсегда утраченным вместе со ступнёй несколько месяцев назад. Это открытие повлияло лучше любых лекарств. Даже возвращающаяся время от времени боль в ноге теперь напоминала не о травме, а об уверенности вернуться к полноценной жизни, пусть даже пока только в воде.

Шестнадцатого мая папа проводил нас с мамой на самолёт, и через два часа полёта, я впервые ступила на землю столичного аэропорта Внуково. Такого количества самолётов в одном месте я раньше не видела. До Москвы на такси ехали почти столько же времени, сколько и летели. Столица встретила нудным морозящим дождём, сквозь который через мокрое стекло открывалось увлекательное зрелище широких проспектов, комплекса высоких, похожих на башни, домов (мама сказала, что это Московский Государственный Университет), яркие витрины магазинов и невероятное количество машин и автобусов на улицах. Покружив по узким проездам, мы наконец, остановились у огромной гостиницы «Россия». Из окон номера открывался потрясающий вид на красные башни и стены Кремля, набережную реки Москвы, Собор Василия Блаженного. Впечатлений было масса. Меня начал заводить стремительный темп жизни столицы.

В день приезда, едва успев умыться в номере и перекусить в баре гостиницы, мы с мамой помчались в посольство Израиля на собеседование для получения визы. Выйдя из такси, прошли через калитку КПП с вооружёнными короткими автоматами гвардейцами в незнакомой черной форме. Те тщательно проверили документы, и я заметила, как их отношение к посетителям сразу сменилось с настороженно-прохладного, до приветливо-участливого. К нам подошла молодая женщина в такой же военной форме и в берете, из-под которого выбивался хвост черных как смоль волос. Она сказала мне что-то на незнакомом звучном языке, улыбаясь доброй улыбкой, и подкатила кресло-каталку. Я растерялась, покраснела и неуверенно ответила по-английски, что не понимаю. Тогда женщина на английском языке представилась помощником консула Израиля Соней Штейхель, и объяснила, что будет удобнее передвигаться по зданию в кресле-каталке. Я взглянула на мать и, не найдя английских слов, чтобы возразить, молча села в кресло, которое тут же покатило по пандусу к специальному лифту молодой гвардеец, шепнув на ухо, чтобы ничего не боялась. На верхнем этаже мы вышли из старинного лифта с коваными решётками-дверями, встретившись в сводчатом высоком коридоре с мраморными колоннами в стиле ампир с мамой и двумя мужчинами, одетыми в длиннополье чёрные сюртуки, чёрные брюки и маленькие чёрные шапочки на макушках, из-под которых на виски спадали длинные тонкие косички. Они тоже говорили на английском языке, пригласив посетителей в обставленный с хорошим вкусом кабинет, за огромным столом которого сидел пожилой еврей в такой же маленькой шапочке на макушке и с длинной седой бородой.

– Шолом-Алейхем! – приветствовал он всех вошедших.

– Шолом! – ответила я хозяину кабинета дрогнувшим голосом.

– Здравствуйте! – сказала мама, смутившись.

– И так, дамы и господа, мы собрались здесь, чтобы завершить процесс оформления поездки нашей молодой леди, – сказал мужчина на безукоризненном русском языке, ласково взглянув на меня. – Мисс Мария,

Вы действительно хотите посетить государство Израиль, и уверены, что используете время визита только в целях лечения и туризма?

– Да, – осторожно ответила я, быстро взглянув в колючие черные глаза консула.

– И Вы можете обещать под гарантии доброго имени своих родителей, что не будете совершать каких-либо действий, нарушающих израильские законы?

– Да!

– Вы еврейка?

– Нет!

– Среди Ваших родных есть евреи? Может быть кто-то из родителей?

Вопрос был неожиданным. Я обернулась, недоуменно посмотрев на мать.

– Видите ли, – пришла она мне на помощь. – Моя мать была еврейкой.

Она погибла в фашистском концлагере в Дахау, когда мне было четыре года.

Посол внимательно посмотрел на женщину.

– И Вы можете это доказать?

– Да, у меня есть справка, – с этими словами Анна Петровна вытащила из сумки пожелтевшую бумагу на английском языке, заверенную печатью.

Консул внимательно прочёл документ, потом показал помощникам, и они уважительно закивали головами.

– Интересно, как Вам удалось добыть эту бумагу? Насколько я знаю, власти Советского Союза выдавали узникам фашистских концлагерей, либо членам их семей документы совсем другого содержания...

Мама рассказала консулу, что отец мужа работал в Германии после войны и сотрудничал с американцами, восстанавливая мосты. Они-то и помогли найти бумаги, подтверждающие пребывание матери в концлагере в Дахау... и с памятью о маме.

– И Тимофей Егорович сотрудничал с КГБ? – вдруг спросил один из людей в черном стуртуке, все это время, стоявший за спиной Маши и мамы.

– Я не знаю. Он был военным инженером-строителем, – ответила мама, обернувшись.

– Ну, хорошо, вернемся к нашей молодой леди, – произнес консул, повернувшись ко мне. – Вы являетесь членом какой-либо политической организации?

– Если Вы имеете в виду комсомол, то да, я – комсомолка, – сказала я, чувствуя, что это может не понравиться консулу.

Оглянувшись, поймала настороженный взгляд матери. Консул что-то пометил в папке, лежавшей перед ним, и задал следующий вопрос.

– Если Вам, мисс Мария, во время пребывания на территории нашей страны поступит предложение получить вид на жительство, получить израильский паспорт, не отказываясь от гражданства Советского Союза, примете ли Вы его?

– Я совсем не знаю Вашу страну. Как я могу ответить на этот вопрос честно? – Подумав немного, ответила я.

– Спасибо за честные ответы! Знаете, что, за Вас поручились серьезные люди из еврейской общины города Ростова-на-Дону. Благотворительная организация уже оплатила эту поездку и лечение. Я не могу не разрешить Вам поехать, мисс Мария. Мы помогаем тем, кому

можем помочь, и я рад сейчас, что могу оказать Вам посильную поддержку. Но помните, что за Вами будут наблюдать, и в случае противоправных действий, в число которых входит коммунистическая агитация, Вы будете высланы из страны в 24 часа без права получения в дальнейшем израильской визы.

С этими словами консул вынул из папки красный заграничный паспорт с гербом СССР, расписался и поставил печать на уже вклеенной в страничку разноцветной визе с непонятными угловатыми буквами.

* * *

Я с трудом оторвался от книжки, заметив, что солнце значительно сместилось на запад. Посмотрев на часы, обнаружил, что уже почти пять часов. И мой план попасть на книжный рынок и раздобыть там недостающие методички из списка, надиктованного Диной Петровной, может не сработать. Трамвая до площади Гагарина я прождал минут двадцать. Решив, что так едва успею к закрытию книжного рынка, я сел на «пятерку», которая часто ездила от вокзала в Рабочий городок. Ходить пешком я всегда любил больше, чем ездить. А с транспортом, не всегда возможно рассчитать время: то пробки, то впереди трамвай сломается на рельсах, что не объедешь. Узенькие улицы, заполненные вереницами трамваев или троллейбусов – обычное дело для нашего города. Вот и сейчас, моя «пятерка» проехав цирк, глухо встала в хвост очереди из таких же вагонов, среди которых были и долго ожидаемые мной, 16-е маршруты. Идти пешком не было времени, и я решил проехать пару остановок на троллейбусе, а там уже пройти до цели останется всего каких-то три квартала. Ёмкости подошедшего троллейбуса не хватило, чтобы вместить всех пассажиров из только что остановившегося трамвая. Пришлось зависнуть на подножке, подперев дверь, чтобы не закрылась, отсекая собственной спиной излишнее количество граждан. Повезло, что водитель не упёртый оказался; так и поехал, да еще с ветерком, так что только держись! Я продержался запланированные две остановки, нисколько не позавидовав сдавленным потным ростовчанам, волею случая, оказавшимся в самом чреве общественного транспорта. Как же я обрадовался, увидев сидевшую на скамейке остановочного комплекса Машу.

– Машенька, привет!

Не сразу понял, что девушка, пожалуй, излишне бледная.

– Привет! Ты приехал меня спасать? – она посмотрела на меня с вымученной улыбкой, а в потемневших глазах была боль.

Я наклонился к Маше и нежно поцеловал её в щеку. Она ответила таким же робким поцелуем. И объяснила, что ударила повреждённую ногу, что ей очень больно на неё наступать, и она не знает, как добраться домой.

Порция адреналина в кровь помогла мне не зависнуть на церемонии встречи, а быстро принять решение и помочь моей подруге.

– Может «скорую помощь» вызвать? – предложил я, оценив ситуацию.

– Не надо «скорую», – попросила она тихим голосом. – Мне нужно домой.

Я бросился к дороге, поднял руку, чтобы поймать такси, на ходу соображая, что, пожалуй, моего запаса «наличности» может не хватить. «Волга» с зелёным огоньком остановилась быстро, и пожилой шофер участливо спросил: «Что случилось?», видимо заметив что-то в моих глазах. Я неожиданно громким ломающимся голосом объяснил таксисту, что моей девушке плохо, и попросил его отвезти нас домой. Мужчина выскочил из машины, открыл заднюю дверь и подошёл к скамейке, тревожно оглядывая Машу. Но я его опередил, подхватил её на руки и осторожно усадил на сиденье, остро переживая, что сделаю ей больно. Она откинула голову на спинку и закрыла глаза.

– Может всё-таки в больницу? – спросил шофер, усаживаясь за руль и попутно проведя ребром ладони по шее, чтобы было видно водителю троллейбуса, который не мог подъехать к остановке и не отпускал кнопку клаксона уже не меньше минуты.

– Пожалуйста, домой! – простонала девушка с заднего сиденья.

Мы поехали, крутым виражом перестраиваясь в левый ряд, чтобы успеть повернуть налево в конце квартала. Я, обернувшись к Маше, держал её за руку, пальцами чувствуя холод, и внимательно смотрел на побледневшее лицо. Почти физически ощутив её боль, я стал думать, что «лучше мне будет больно. Потерплю. А ей не надо...!»

Такси пробиралось между ямами улицы Варфоломеева, и водитель, стараясь вести машину плавно, то и дело оборачивался, с тревогой поглядывая на пассажирку. Наконец, «Волга» остановилась у знакомых ворот. Я протянул водителю три рубля и уже начал говорить «спасибо!», как услышал:

– Оставь свои деньги, парень, тебе они сейчас нужны больше. Твоя девушка нуждается в помощи. Думай об этом!

– Спасибо Вам большое! Вы спасли её! Вы – добрый человек, – сказал я запинаясь.

– Иди, она тебя ждет – ответил водитель, берясь за руль, и напоследок крикнул: – Береги её, парень!

Я взял подругу на руки и понёс к калитке. Маша прижималась ко мне, рукой обвив мою шею, а другой пытаясь выудить из сумки ключи. Джек, кинувшись, было навстречу, увидел, что хозяйке плохо, глухо зарычал и побежал в опасной близости от моих ног, сопровождая нас к крыльцу. Я поставил Машу на ноги и ждал, пока она ключом отпирает дверь дома, тяжело облокотившись о косяк. Отворив дверь, я снова подхватил на руки и понес её по лестнице, вспомнив только на верхней ступеньке, что нужно дышать. Осторожно опустив девушку на кровать в спальне, я сел рядом. Подруга откинулась на подушку, закрыла глаза, все еще тяжело дыша.

– Спасибо тебе, мой спаситель! – прошептала она. – Значит, монетка действует?

– Да, Машенька, действует. Отдохни! Тебе помочь снять протез?

– Нет, спасибо, я сама. Сходи лучше на кухню, принеси компот из холодильника, пожалуйста. И попей сам.

Я слетел с лестницы, запутавшись с дверями на первом этаже. Наконец, за одной из них оказалась кухня. Я вынул из холодильника кастрюлю с компотом, в котором плавали половинки яблок и слив, налил стакан и, боясь расплескать, понёс наверх. Маша уже переоделась и сидела в халате у стола, изучая содержимое ящичка с лекарствами. Жадно выпив ледяной напиток, она благодарно посмотрела на меня. Потом взяла тонкий шприц из одноразовой упаковки и, набрав из ампулы прозрачную жидкость, смело сделала себе укол прямо в нежную кожу культи ноги. Я внутренне содрогнулся, снова ощутив чужую боль, как свою.

– Не бойся, мне не больно, – через силу улыбнулась она мне. – То есть, не так больно, как недавно на улице. Сейчас всё пройдет...

– Какая ты... сильная! – нашел, наконец, я нужное слово.

– Просто я знаю, как справляться с болью, когда есть лекарство. А на улице ничего кроме анальгина с собой не было. Я глупая. Не взяла с собой трость. Если бы не ты, сидела бы на лавке, как дура, и плакала.

Маша раскрыла пакет, вытащила из него две книжки, показала мне, хвастаясь своей находкой. Мы сели на кровати рядышком, и через некоторое время девушка, заметно оживившись, рассказала мне о событиях, произошедших с ней за день. Потом, мы спустились в кухню, и продолжили беседовать за чашечкой ароматного кофе. Позже, на улице, сидя на качелях, обняв мою Машеньку и подставляя закатному солнцу лицо, я улыбался, жмурясь от счастья и думая, что сегодня был еще один волшебный день с ней, подаренный мне судьбой.

Когда пришло время прощаться и возвращаться домой, я опять увлекся долгим поцелуем любимых губ, наслаждаясь нежной отзывчивостью их обладательницы.

Жаль, что в воскресенье Маришка будет занята. Был у меня тайный план сводить её в кино. Зато мы договорились, что мне тоже можно будет как-нибудь прийти с ней и поплавать в бассейне.

Я мчался домой, казалось сантиметрах в десяти от ещё горячего после летнего дня асфальта. В руке сумка с заветной книжкой, а впереди чудесный вечер дома, в уютной спальне, когда все уже спят, и никто не мешает читать и мечтать...

* * *

Выйдя с территории посольства, мы с мамой пошли пешком по тихим переулкам Замоскворечья, направляясь в сторону Якиманки и выставочного павильона Союза художников на Крымском валу. Большая Полянка хоть и переполненная потоком из машин и троллейбусов, всё равно была какой-то уютной, по сравнению с широченным Ленинским проспектом, по которому ещё утром ехали в такси. Костыли неожиданно гулко стучали по тротуару, и я невольно старалась шагать потише, одновременно пытаюсь успеть за мамой. Она заметила, что я не успеваю и остановилась.

– Какие необычные люди – израильтяне! – негромко поделилась я, удивляясь неожиданно наступившей тишине.

Машины, троллейбусы вдруг все исчезли с Полянки в сторону Добрынинской, а очередная орда транспортных средств ещё молчала вдали, сдерживаемая светофором. Появилось удивительное ощущение, что если сейчас не успеть сказать вполголоса свои сокровенные мысли, то в нарастающем гуле, ставшем уже привычным для москвичей, как небо над головой, придется почти кричать, и это смогут услышать многие, кому эти мысли не предназначены.

– Да, доченька, евреи – народ с историей, уходящей в далекое прошлое, к библейским легендам. Они – находчивые и умные, весёлые и добрые люди, самоотверженные, смелые, когда необходимо защищать свою семью и родину. Они достойны уважения, хотя сейчас не все люди так думают. Они живут в разных городах, но как бы вместе, общинами, одна из которых нам помогает.

– Да, они приветливы и обходительны. С ними легко общаться, но мне показалось, что они все равно думают не то, о чем говорят.

– Это следствие многолетнего притеснения, а кое-где, геноцида этого народа. Во время войны фашисты убили много людей, но прежде всего, их жертвами становились люди еврейской национальности. В нашей стране им тоже жилось не сладко. Их арестовывали и отправляли в лагерь, на поселение в Сибирь, где заставляли работать в тяжелых условиях на стройках, лесоповалах, рудниках. А квалифицированных работников и учёных запирали в закрытых городках, похожих на тюрьмы, где они так же работали, но не за деньги, а за еду, и с родственниками им не разрешалось встречаться. Это было страшное время, дочка!

– Я не знала об этом ничего. В школе мы не изучали такую историю... Так страшно: жить и знать, что тебя могут убить только потому, что ты – еврей.

– Может, когда-нибудь тебе попадутся книжки Александра Солженицына: «Один день Ивана Денисовича» или «Архипелаг Гулаг» – обязательно прочитай их. Это серьёзный писатель для взрослых, но ты

найдешь в этих книгах ответы на многие вопросы. К сожалению, в СССР его в продаже найти трудно.

Я замолчала, сосредоточенно глядя под ноги, почувствовав какую-то дополнительную тяжесть, грузно опираясь на костыль после каждого шага.

– Устала, Машенька? – обеспокоилась мама. – Давай перекусим в пельменной?

Мы зашли в помещение столовой, и я с облегчением села, стараясь не обращать внимания на изматывающую усталость во всем теле. Ноги гудели от непривычной нагрузки такой длительной пешеходной прогулки. Но я была рада этой усталости, этой пульсирующей боли, потому что могла, пусть и с костылём, но сама ходить. Поедая порцию вкуснейших московских пельменей, я почти пришла в норму и уже не так тревожилась за предстоящее своё первое самостоятельное серьёзное путешествие. Мама между тем, рассказывала, как вести себя на пограничном контроле, на регистрации, как узнавать расписание движения транспорта, как ориентироваться в аэропорту за границей.

– Не бойся спрашивать у людей. Они помогут и подскажут. В лагере у тебя найдутся ровесники. С ними можно дружить. Главное – принимай всё как есть. Не старайся втиснуть то, что увидишь в рамки и правила, которые тебе знакомы. Помни, что «в чужой монастырь со своим законом не входят», – говорила она.

– Mam, а ты почему визу не получала? – настороженно спросила я, чувствуя какой-то подвох.

– Получала, транзитную. Она не требует собеседования, но позволяет находиться в Израиле только три дня. Я тебе помогу добратся, устроиться, а потом уеду на работу. Немногом меньше месяца ты сама будешь получать лечение и жить там, а встретит и привезёт домой тебя папа. Он в конце июня возвращается из командировки в США, и заедет за тобой.

– Я сама так долго никогда не оставалась... – невольно вырвалось у меня.

– Ты сможешь. Ты умная, находчивая и сильная. Я... Мы все верим в тебя, доченька! Ты уже готова к этому самостоятельному путешествию.

– Наверное, ты права – внутренне собравшись, ответила я изменившимся голосом. – Я смогу, я вылечусь! Я буду ходить как все! Спасибо тебе... вам всем!

Мы сидели и молчали, погруженные каждый в свои мысли. Выйдя из кафе, брели по улице, думая каждый о своём. По дороге встречались дома самой разнообразной архитектуры, причудливо перемежаясь, и, казалось, не существует двух одинаковых строений в этом огромном городе. Интересно было заглянуть во дворы, огороженные старинными коваными оградами с воротами, закрытыми на давно проржавевшие замки. В них видны были старые не реставрированные стены домов, в отличие от свежестроенных фасадов, выходящих на улицу. Казалось, там можно найти заброшенные кареты и домашнюю утварь москвичей прошлого века. Я останавливалась, доставала из сумки фотоаппарат и фотографировала эти тихие и уютные уголки Москвы, панорамы столицы, открывшиеся неожиданно с южного берега Москвы-реки и ажурный легкий, подвешенный на тросах Крымский мост, который, по словам мамы, послужил учебным пособием и прототипом

для проектов дедушки Тимы. Зашли в ювелирный магазин, где мама купила и тут же подарила мне маленькие элегантные золотые часы с браслетом.

– Это тебе, моя самостоятельная доченька, подарок от всех нас. Мы любим тебя и хотим, чтобы ты везде успевала, чтобы у тебя получалось всё, что ты запланируешь!

Мне стало тепло и приятно от этих слов, но на глаза предательски навернулись слёзы.

Вечером, после салона красоты, где я сделала себе такую причёску, о которой давно мечтала, мы поехали в представительство авиакомпании «Эль Ал» и получили заказанные авиабилеты, яркие, в красивых обложках, напечатанные жужжащим печатающим устройством на двух языках – иврите и английском. На всякий случай, сделали несколько фото разных размеров на документы.

Когда солнце уже почти скрылось за домами, мы наконец, добрались до своего номера в гостинице. На Красную площадь уже не хватало сил, и я любовалась панорамой ярко освещённых Кремлёвских башен и Собора Василия Блаженного, усевшись на подоконник. Несмотря на усталость, спать не хотелось. Я думала о неизвестности, которая наступит не когда-нибудь, а уже завтра.

Утро выдалось солнечным, тёплым, словно Москва желала оставить самое лучшее впечатление о себе. Завтрак – шведский стол в гостиничном ресторане – удивил разнообразием выбора. Многие продукты, особенно в ярких иностранных упаковках, я раньше никогда не видела. За пределами столицы такие в принципе, не встречались в магазинах. Мама, шутя, посоветовала запоминать, как они выглядят. Там за рубежом упаковки могут быть разными, но стандартно на них будет описание состава еды, как правило, на нескольких языках. Особенно понравился тёмно-коричневый лимонад в маленьких гранёных бутылочках с белой размашистой надписью «The Coca-Cola» на красных этикетках. Почему-то его хотелось пить и пить, благо, правила «шведского стола» позволяли взять несколько бутылочек с собой. Настроение после завтрака было приподнятым. Предчувствие долгого, насыщенного событиями дня подсознательно мобилизовало впитывать и запоминать. Даже привычная периодически напоминающая о себе боль в ноге куда-то пропала.

* * *

Во сне мне снилась неведомая Москва с антикварными домами и телегами во дворах, которые, почему-то дымя выхлопами, загрохотали улицу Большую Полянку, сплошь заросшую травой, на которой росли ромашки и одуванчики. А по обочинам – дремучий лес, над кронами которого вздымались красные башни Кремля. На одной из них Куранты тикали как настольный будильник. И Маша с длинными распущенными волосами, стоя на перекрёстке, сверяла с ними свои маленькие часы, на которых вместо привычных 12 чисел значились диковинные угловатые буквы с концами, причудливо свисающими вниз, как колючки акации...

С семьёй, проводы и встречи

«Доброе утро, Марийка!» – сказала громко самой себе девушка, потянувшись в постели и прищурившись солнечным лучам, проникшим сквозь щёлочки в шторах окна. Она села на мягкой кровати и, нашарив под ней протез, с некоторым трудом натянула его на одетую в эластичный чехол правую голень, ощущая, как тесно он облегает ногу. «Ещё месяц потерпеть, и у меня будет новый, удобный», – подумала она, вспомнив о предстоящей поездке в израильскую клинику на осенних каникулах. Тут же вспомнились Томас и Сара – сверстники, ставшие лучшими друзьями за время, проведённое в реабилитационном лагере. Сара – темнокожая девочка из Сомали, дочка французского сотрудника дипмиссии ООН. Во время прогулки в национальном парке она подорвалась на mine, потеряла ногу выше колена и кисть руки, закрываясь от взрыва. В лагерь она приехала в инвалидном кресле, такая беспомощная, растерянная. Стараясь поддержать, я целыми днями общалась с ней, забыв о своей собственной боли. Вместе тренировались, привыкая к протезам, и к концу курса реабилитации уверенно ходили и стали лучшими подругами, пообещав переписываться и не теряться в этом жестоком мире. Томас – рыжий ирландский мальчик, сын фермера, попал в автокатастрофу, упав в автомобиле со скалы. Его отец погиб сразу, а мальчик пролежал с зажатой металлическими деталями покореженной машины сломанной ногой, почти сутки, пока случайно проезжавшие мимо люди не вызвали скорую помощь. Ему сделали несколько операций, пытаясь спасти ногу, но из-за заражения пришлось её ампутировать. Он очень переживал о том, что не сможет жениться на своей девушке, потому что теперь стал инвалидом. И как он стоял на протезе и плакал от радости, когда его невеста, приехав в конце курса реабилитации, чтобы вернуться с ним домой, повисла у него на шее, обнимая, целуя, радуясь, что они снова вместе.... Сколько же таких историй я узнала за эти месяцы! Приедет ли кто-нибудь из них осенью в Тель-Авив? Вот бы встретиться! Надо будет им письма сегодня написать вечером», – Маша мысленно стала набрасывать план на сегодня. – «Последний день этого лета, каникулы, а дел столько! Мишка же сегодня уезжает...! Который час?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.